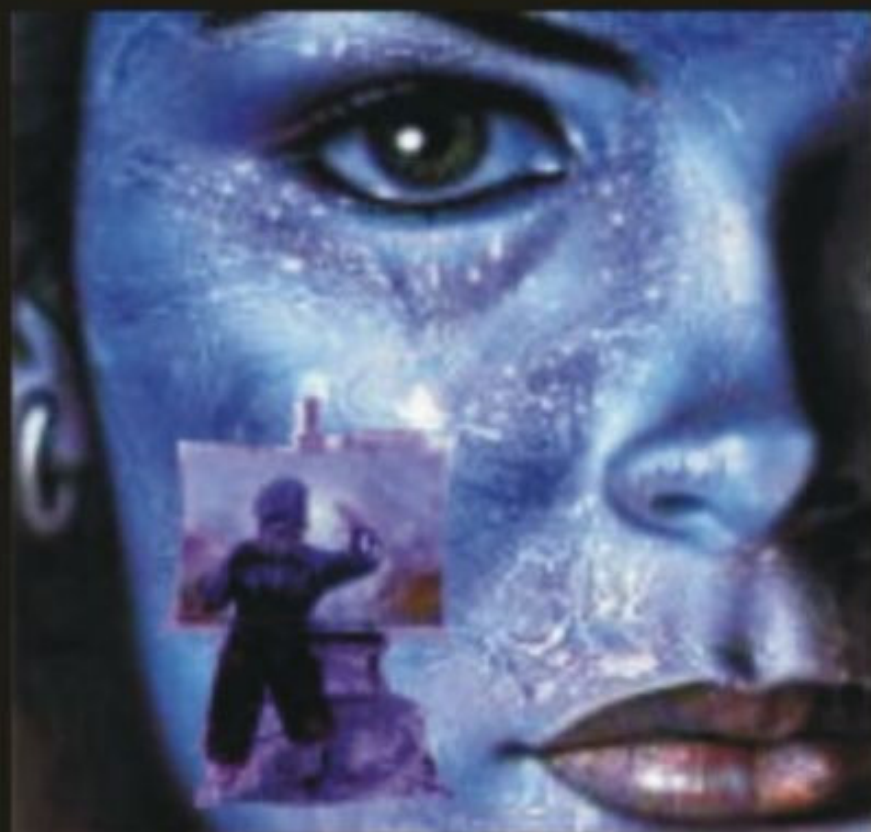

СОБРАНИЕ КУЛЬТОВОЙ МИСТИКИ

18+

СЕРГЕЙ ДУБЯНСКИЙ

ДЕРЕВЯННЫЙ КАЗЕМАТ

Сергей Дубянский
Деревянный каземат

«Издательские решения»

Дубянский С.

Деревянный каземат / С. Дубянский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851312-1

У по-настоящему талантливого художника душа натурщика после смерти продолжает жить в его портрете. Но висеть в галерее скучно, поэтому персонажи картин стремятся любой ценой вернуться в материальный мир. Сделать это несложно, если, например, тебе помогает сестра жены самого великого Рубенса, за долгие века пережившая сотни подобных превращений, главное тут — правильно выбрать жертву, у которой позаимствовать тело. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-851312-1

© Дубянский С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	23
Глава третья	26
Глава четвёртая	28
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Деревянный каземат

Сергей Дубянский

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Петропавловский

© Сергей Дубянский, 2017

© Игорь Владимирович Петропавловский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1312-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Через открытую дверь в комнату, громко именованную «торговым залом», давно вошла единственная и абсолютно бесперспективная посетительница – жара. Ее сопровождали огромные мухи, жужжавшие на разные голоса и никак не реагирующие на «липучку», подвешенную над прилавком. Мелкие насекомые почему-то попадались в эту примитивную ловушку, а «монстры» – нет. Но закрывать дверь Катя не хотела, потому что тогда дурманящие запахи мыла, дешевых духов, дезодорантов и стиральных порошков, становились просто тошнотворными. Нормальный хозяин давно бы поставил кондиционер, еще десять лет назад переставший являться «чудом техники», но у Андрея никак не хватало денег. Глядя на «Ауди», которую он купил всего полгода назад, такое объяснение выглядело смешным, только, вот, проверить кредитоспособность хозяина продавцы не могли; впрочем, они обе и так были уверены – это очередная «лапша на уши», столь обычная в нашем бизнесе.

Катя сидела на старом стуле, который сама же принесла из дома, и сквозь стеклянную грань куба с зубными пастами тоскливо смотрела на улицу. Остановка транспорта находилась прямо напротив, и она видела, как открываются двери автобусов и маршруток, выпуская людей с покрывалами, торчащими из пакетов; ракетками для бадминтона и пляжными сумками, в которых отчетливо выпирали большие пластиковые бутылки.

Громко беседуя, люди огибали магазинчик и устремлялись вниз по улочке, которая, перебравшись через железнодорожное полотно, приводила их к вожаденной воде. Правда, водохранилище еще с мая подернулось зеленоватой ряской, но в такую погоду многие уже не обращали внимания на грозные предупреждения областной СЭС.

Нельзя сказать, чтоб и Катя особо вникала в их суть, но ей просто было физически противно залезать в «грязную лужу», поэтому в свой единственный выходной она предпочитала выезжать за город на электричке, благо, та останавливалась в каких-то пятистах метрах. В рабочие дни времени на это не хватало, и приходилось довольствоваться летним душем; люди, живущие в квартирах, не могли даже представить, какое это замечательное изобретение человечества – не душная ванная, «окованная» кафелем, а душ, в который свешиваются гроздь спелых вишен, и слышно пение птиц! Да и находился он прямо во дворе – до него не надо было тащиться полтора километра по пыльной улице, мимо Бима (только не белого с черным ухом, а рыжего с весело закрученным хвостом), прятаншегося от жары под низким деревянным крыльцом; мимо Катиной матери, которая весь день копалась в огороде, несмотря на то, что вечером будет стонать и жаловаться на головную боль...

Иногда Кате казалось, что мать – мазохистка, и специально делает все, чтоб сократить свой срок пребывания на земле. Иначе никак невозможно объяснить ее патологическую страсть к сельскому хозяйству, приносившему урожай лишь укропа с петрушкой – остальное почему-то сохло, болело, гнило. Катя, вот, точно знала, что ей не дано «ковыряться» в земле, и не ковырялась. Хотя и то, чем она занималась, не приносило, ни морального, ни материального удовлетворения. Все-таки, наверное, ее призвание – медицина, только начинать надо было не с медицинского училища (совершенно ведь не обязательно, как говорил отец, «сначала ощутить вкус профессии»), а сразу кидаться на штурм академии. Неспроста ж два года работы в больнице вспоминалась, как самое радостное и веселое время. Нет, в ожоговом отделении поначалу было даже страшновато, зато в глазном – одно удовольствие... хотя тогда она жила полноценной жизнью – с мужем, в отдельной квартире. Может, и это еще накладывало отпечаток на окраску воспоминаний?..

Впрочем, жизнь не закончилась – это Катя решила для себя уже давно. Сейчас лишь временное затишье – «перегруппировка войск», как сказал бы бывший муж. Казалось, он даже дома не снимал португею, но все равно (если, конечно, трезво взглянуть на вещи) он был хоро-

шим. А все хорошее почему-то заканчивается. Зато должно начаться новое; нужен только толчок, чтоб изменить жизнь. Синица в руках, может, и лучше непонятого журавля, но сейчас-то у нее даже не синица, а так, воробей с перебитым крылом. ...*Значит, еще не наступил момент, хотя я чувствую, что скоро. Уже очень скоро!*.. Кате порой становилось дурно от созерцания коробочек и тюбиков, от запахов парфюмерии, от покупателей, которых она и так ежедневно видела через забор своего дома, от бестолковой Ольги, торговавшей в соседней комнате автокосметикой (!).

...*Прозорливый ты наш!*.. – ехидно подумала Катя, вспомнив, как Андрей обосновал необходимость в их магазине столь несуразного отдела. Оказывается, в двух остановках открылся новый автосервис, и, исходя из этого, люди почему-то должны остановиться возле их лавчонки, чтоб приобрести всякие масла, мастики и прочую ерунду. План, конечно, хитроумный, но гораздо проще им было сделать это прямо на месте, поэтому автомобили лихо проносились мимо, не обращая внимания на бледно-лиловую вывеску «Бытовая химия. Косметика», под которой добавились тощие буквы «Авто».

...*Кстати, интересно, как там у Ольги?..* – скупающий Катин ум искал себе применения, – *ну, не ворует мы, не ворует!.. Тридцать рублей – разве это недостача?..* – Катя даже помнила солидного мужика на иномарке, который не постеснялся прихватить с прилавка лишний шампунь, — *наверное, так и делаются большие деньги – тащишь в дом каждую копейку и, вообще, все, что плохо лежит... Ну, да бог ему судья...*

Халатик, одетый прямо на голое тело, прилип к спине. Катя брезгливо повела плечами. ...*Вымазаться что ли «Рексоной» с головы до ног? Благо, ее целая полка...* Однако вместо этого Катя вышла в крохотный тамбур. Когда-то, при жизни бабы Маши, здесь находились сени; лежал половик, висели букетики всяких трав, а в той комнате, где сейчас работает Ольга, располагалась кухня. На месте *ее* отдела – гостиная, а там, где подсобка – спальня. Катя помнила это, потому что мать дружила с бабой Машей. Да и все тут, если не дружили, то, по крайней мере, знали друг друга в лицо. С одной стороны, это было хорошо, потому что бытовые проблемы легче решать сообща, но, с другой, когда твою личную жизнь обсуждает вся улица, тоже не самый приятный вариант. Особенно это раздражало Катю лет в пятнадцать; теперь-то она уже никому не интересна – двадцатипятишестилетняя тетка. Да и «заинтересованные лица» постарели, не до того им теперь.

Катя остановилась в дверях, прислонившись к относительно прохладному косяку.

– И как тут? – спросила она таким тоном, будто являлась, по меньшей мере, совладелицей магазина.

– Сейчас, – Андрей сосредоточенно давил кнопки калькулятора, а Ольга стояла рядом, глядя на его неуклюжие пальцы. В тишине две огромные мухи гонялись друг за другом, противно жужжа и звонко ударяясь в витринное стекло.

Катя уже хотела вернуться на рабочее место, когда Андрей наконец поднял голову.

– Итого, – объявил он торжественно, – недостача – одна тысяча пятьсот шестьдесят шесть рублей.

– Сколько?!.. – испугалась Ольга.

– Тысяча пятьсот шестьдесят шесть.

– Точно, три канистры «Visco». Я их не могу найти...

– Небось, заставила куда-нибудь, – вмешалась Катя.

– Куда? Вот оно все, – Ольга жестом обвела комнату.

– Три канистры – это не кусок мыла, чтоб их так запросто украсть. Это придется возмещать, – довольно заключил Андрей. (Оборот в отделе был настолько мизерным, что он, видимо, радовался даже такому способу реализации товара).

– Подожди, Андрюш, – Ольга почему-то покраснела, – что ж мне, полмесяца бесплатно работать?

– А я здесь причём?

Катя разглядывала витрину, в поисках моторного масла по восемьсот пять рублей, и наконец нашла. Ярко зеленые канистры стояли в самом крайнем стеклянном кубе, который от стены отделяло сантиметров тридцать. Она ловко просунула в щель руку и вытащив канистру, поставила ее на прилавок.

– А делается это очень просто, – пояснила она.

– Вот так, три канистры, да? – Андрей расхохотался.

– Можно несколько раз заходить. Раз в неделю, например.

– Это только ты можешь додуматься, – фыркнул Андрей.

– Да? Зря ты так считаешь. У меня, вон, солидный мужик шампунь спер за двадцать восемь рублей. Между прочим, это ты, Андрей, должен был тут хоть фанерку поставить.

– Катя, иди на свое место, – сказал он строго, чувствуя, что, в принципе, продавщица права.

– Оль, а ты что молчишь? – возмутилась Катя, – он тебя обдирает, как хочет, а ты молчишь! Будешь сидеть тут, от жары дохнуть, да еще и бесплатно! Год кондиционер обещает, так хоть бы вентилятор принес!..

По взгляду Андрея Катя поняла, что ляпнула лишнее, к тому же, в неподходящий момент, поэтому быстро ретировалась и даже закрыла за собой дверь.

...*Сейчас он и мне устроит*, – подумала она, возвращаясь за прилавок. Но почему-то не возникло, ни страха, ни досады; скорее, бравада – как в училище, когда первый раз делала укол не манекену, а живому человеку. Тогда она тоже подумала – у меня все получится, и получилось – больной даже ничего не почувствовал...

– Значит, тебе не нравится тут работать? – спросил Андрей, появляясь на пороге.

– Ну, почему? – Катя пожалала плечами, – нормально. Еще б кондиционер, да зарплату поприличней...

– А мне не нормально! – перебил хозяин.

– Чем же? У меня в отделе порядок.

– Тем, что ты суешь нос не в свои дела! Указываешь, что мне надо делать! Тем, что всех считаешь жуликами! При таком настрое работать с людьми нельзя!

Первые два аргумента Катя оставила без внимания – в них имелась доля истины, а, вот, с последним готова была поспорить.

– Хочешь эксперимент? Ну, например... – она обернулась к полкам с товаром, – возьмем «Persil». Стоит он двадцать девять рублей. Я поставлю ценник «тридцать девять», а продавать буду, как положено. Посмотрим, сколько человек скажут, что я ошиблась, и вернут червонец. За неделю! Давай?

Сначала Андрей смотрел на неё с недоумением осмысливая предложение, а потом сделал совершенно неординарный вывод.

– Значит, так ты тут и зарабатываешь? Меняешь ценники, когда захочешь...

– Ты что, дурак?! – Катя возмутилась. Ей даже в голову не приходило сделать такое на полном серьезе, тем более, покупатели, в основном, были одни и те же, знавшие ее с детства.

– Я не дурак, – зловеще ответил Андрей, – вот что, Катерина, мне кажется, мы с тобой не сработаемся.

– То есть, ты меня увольняешь?

– Я тебе *предлагаю* уйти. Доработаеть эту неделю...

– А чего дорабатывать? – Катя почувствовала неожиданный азарт. Она даже не думала, чем будет заниматься дальше, но унижаться и просить, никогда не станет! Тем более, хозяин, есть хозяин – если он решил, то жизни ей все равно не будет, и чего целую неделю мотать себе нервы? Улыбнувшись, она демонстративно направилась в подсобку.

– Ты куда? – крикнул Андрей.

– Переодеться. Или хочешь, чтоб я еще и стриптиз тебе устраивала за такую-то зарплату?.. – она захлопнула дверь.

– Ну, подожди, – Андрей зашел за прилавок, но открыть дверь не решился, – так не делают. Я ж должен найти замену.

– Да? – Катя уже сбросила халатик и стояла, держа в руках футболку, словно решая, надевать ее или нет, ведь переодеться обратно она не станет ни за что.

– Да. Катя, ну, давай расстанемся по-человечески, – голос Андрея стал просящим и совсем не строгим.

– По-человечески – это значит, ты мне выходное пособие заплатишь? – Катя натянула футболку, потому что знала – этого он не сделает никогда.

– При чем тут пособие?

– А остальное – не «по-человечески», – она надела шорты и резким движением застегнула молнию, – можешь входить.

Андрей открыл дверь; огляделся, привыкая к полумраку.

– Халат я сама покупала, – свернув, Катя засунула его в пакет, – кружка тоже моя... полотенце мое. Стул пусть остается на память, все равно в сарае валялся. Да, еще туалетная бумага...

– Катя, ну подожди.

– А чего ждать? Ты мне все популярно разъяснил. Для твоей торговой точки я не гожусь.

Андрею вдруг стало жаль расставаться с продавщицей – конечно, это «черт не метле», зато все ее знают, и она знает всех. ...А, *насчет кондиционера, может, она и права...*

– Вентилятор я завтра привезу, хочешь? – кинул он последний козырь.

– Привози. Хоть Ольга во благо поработает, – Катя взяла пакет, – за отработанные дни зарплату отдашь или потом зайти?

Андрей понял, что даже если не отдаст деньги, то удержать ее все равно не удастся – зато, какая слава пойдет о нем среди потенциальных покупателей!..

– Возьми из кассы, – разрешил он.

– Думаешь, я уже восемьсот рублей натрговала? – Катя рассмеялась, – святая наивность...

Она вышла из подсобки и открыла кассу.

– Тут триста с «хвостиком».

Андрей со вздохом достал пятисотку, и Катя небрежно сунула ее в карман.

– Значит, я забираю еще двести семьдесят, – уточнила она.

– Хватит тебе. Этот тридцатник...

– Порядок, есть порядок. Проворонила, значит, сама виновата, – отсчитав деньги, она сунула их в тот же карман. Огляделась так, словно никогда больше не вернется сюда, даже в качестве покупателя, и не придумав, чем бы красиво завершить отношения, сказала примирительно:

– Кстати, Танька Соколова рвалась сюда. Имей в виду.

– У нее ж ребенок маленький.

– И что? Ребенок с бабушкой. А соскучится... ну, побегает тут полчаса. Зато девка ответственная. Она своему Лешке скажет, так он все дырки собственноручно заделает, причем, на халяву. Это так, информация к размышлению.

Катя вышла на крыльцо и невольно остановилась. Да, в магазине было душно, но там воздух, будто лежал ватным комом – здесь же он лениво ворочался, отталкиваясь от деревьев, заборов, и каждое его прикосновение обжигало кожу. Катя представила, каково людям, которые толкались в проезжавшем мимо автобусе, и решила, что лучше всего идти домой, тем более, она еще не придумала, что предпримет дальше.

...С другой стороны, главное сделано – невидимый журавль уже закурьлял в небе, а синица, которая приносит в клювике денежки на хлеб и колбаску... да куда она денется? Вон, на нашем рыночке понастроили столько павильонов! Ходить, правда, целую остановку, но, как говорил покойник-отец: – Бешеной собаке – семь верст не крюк. А уж ежели я чего решила, то и есть та самая «бешеная собака»...

Обогнав папашу, несшего на плечах кроху-дочку, и при этом старавшегося не наступить на сына, вертевшегося под ногами, Катя вошла к себе в калитку. Матери в огороде не было. Видимо, ее наконец осенила мысль, что самую жару лучше все-таки пережить дома.

Первым делом Катя прошла на кухню и открыв холодильник, налила холодного, кислого кваса; припала к стакану, спокойно думая, что ангина ей обеспечена, но разве это повод, чтоб лишать себя удовольствия? Выпив залпом, стукнула стаканом о стол, будто осушила рюмку водки.

– Кто там? – послышалось из комнаты.

– Это я, мам.

– А что так рано?

Заскрипела кровать, и в двери появилась седая благообразная женщина; только несмываемая травяная зелень на руках ломала этот образ строгой гувернантки на пенсии.

– Я уволилась, – ответила Катя беззаботно, – надоело.

– Как? – не поняла мать, – просто взяла и уволилась?

– А что тут сложного? – Катя рассмеялась. Настроение было таким, словно она только что одержала Великую Победу.

– И что? – мать не охала, не возмущалась – вообще, в некоторых вопросах она была женщиной очень разумной; наверное, поэтому Катя иногда любила выслушивать ее мнение, хотя, в конечном итоге, все равно поступала по-своему.

– Ничего, – она подошла к матери и обняла ее, невольно почувствовав, как та похудела, но это совсем не от плохого питания – стареет человек.

Они уселись в комнате, куда солнце не пробивалось сквозь задернутые шторы, и полумрак создавал иллюзию прохлады.

– Все нормально, – продолжала Катя, – понимаешь, надоело работать за такие деньги в таких условиях, а тут повод подвернулся – я все и высказала, а Андрею не понравилось.

Мать вздохнула.

– Не расстраивайся, – Катя погладила ее по голове, – сегодня же поеду к Ирке. Помнишь, Круглову? В училище вместе учились – подруга моя лепшая. Весной она мне рассказывала, что устроилась в «крутую» контору. Зарплата – не выговоришь; ходит – плащик кожаный, сапожки...

– Она тебя что, приглашала?

– Нет, но если она устроилась, то почему я не могу? Такая же медсестра, в чем разница?.. Эх, вдвоем мы там всех на уши поставим!.. А нет, так, знаешь, сколько магазинов по городу? Только надоело торговать, хочется чего поинтереснее...

– Ну, смотри, – мать снова вздохнула, но на этот раз, вроде, облегченно, – а то на одну мою пенсию трудно прожить.

– Не забивай голову, мам. Сейчас жара немного спадет, и поеду, – Катя встала и снова отправилась на кухню за квасом.

*

Старое желтое здание, соседствовавшее с магазином, носившим забавное название «Папа Карло», находилось возле «толпы», занявшей весь Центральный стадион, кроме трибун и футбольного поля. Правда, Катю слегка смутило, что о фирме «Компромисс» не сообщала ни одна

из многочисленных вывесок на фасаде, да и внутри не было стрелок-указателей; тем не менее, она вошла; изучив таблички на первых двух этажах, поднялась на третий и сразу увидела красивую вывеску «ЗАО Компромисс», отсекавшую почти треть коридора. Дальше находились массивные коричневые двери без опознавательных знаков; за одной из них негромко играла музыка, и осторожно заглянув, Катя решила, что это приемная. *...Где еще бывают такие классные кресла, стол с кучей телефонов, посуда в шкафу?.. А за внутренней дверью, небось, под музыку балдеет главный шеф. Хорошо они тут устроились...*

Людей в комнате не было, и Катя приоткрыла следующую дверь. Там оказалось шесть девушек (среди них и Ира); перед каждой стоял компьютер, и все внимательно следили за мониторами, периодически щелкая по клавишам. Жалюзи были закрыты, поэтому слышалось только жужжание одинокой мухи – совсем, как в ее магазине *...то есть, бывшем моем...*

Ира подняла голову; смотрела долго и удивленно, а потом, что-то шепнув соседке, встала. В Катином представлении сотрудница солидной фирмы не должна бы носить *такую* короткую юбку и блузку с *таким* вырезом, но эти вольности с лихвой компенсировало жутко серьезное лицо. Цокая высоченными шпильками, Ира прошествовала по проходу, разделявшему столы, и улыбнулась, лишь выйдя в коридор и прикрыв дверь.

– Привет. Какими судьбами? Я еще смотрю, ты или не ты.

– Привет. Ну, ты смотришься, однако!..

– Как?

– Не то, чтоб «панельно», но уж слишком сексуально, – Катя хихикнула, пытаясь соотнести два образа подруги, разделенные десятью годами жизни, но ничего не получилось. Хотя, может, это первое впечатление, а если они, как раньше, усядутся в укромном уголке, да «зацепятся языками»...

– Ты просто или по делу?

– По делу.

– Слушай, я в пять заканчиваю. Подожди меня внизу – сейчас все равно поговорить не дадут, – Ира направилась обратно на рабочее место, а Катя попыталась представить ее, ставшей клизму, и чуть не расхохоталась. А ведь это ж было! Потом она вообразила себя такой же куколкой, незаметно шуршащей за компьютером – картинка получилась не менее противоестественной, чем Ира с клизмой.

...Но поговорить все-таки надо, ведь не знаешь, где найдешь, где потеряешь... Взглянув на часы, Катя вышла на улицу. *...Еще только три!.. Можно, конечно, мотнуться домой... а, с другой стороны, восемьсот колов-то, вот они. Неизвестно, правда, когда будет следующее поступление, но уж мороженое в нормальном кафе я имею право себе позволить!..*

Она остановилась, прикидывая, куда лучше пойти. На проспекте ей не нравилось – там всегда было слишком много народа, и приходилось долго стоять у кого-нибудь за спиной, ожидая места (цветные шарики в вазочке за это время оползали, превращаясь в серо-буро-малиновую кашу), и Катя задумчиво побрела вдоль стадиона.

– ...Катерин! Случайно не к нам?

Она обернулась. Дима – ее хозяин в те времена, когда она работала на «толпе», курил возле своего «Форда», и приветливо помахал рукой. Расстались они не так, как с Андреем, а по-дружески – просто Кате надоело вечно стоять в луже и мокнуть в старой дырявой палатке, только и всего.

– Привет, – Катя улыбнулась, – ты палатку новую купил, чтоб к себе звать?

– Бери круче, – Дима довольно надул щеки, – магазин построил, так что приходи.

– И сколько платишь?

– Три штуки, как всегда.

– Опять три штуки, – Катя вздохнула.

– А ты сколько хочешь?

– То, что хочу, я и не выговорю, – Катя игриво подмигнула, – ладно, я подумаю.

– Подумай, а то девчонки в один голос твердят, что без тебя им скучно. Кстати, а сейчас ты где?

– Нигде. Ищу, вот, работу.

– Так в чем дело?!..

– Говорю ж, подумаю, – и Катя пошла дальше.

Перспектива не казалась слишком радужной, но, по крайней мере, наличие запасного варианта освобождало голову от безрадостных мыслей о распределении материной пенсии на тридцать бесконечных дней. Задумавшись, она свернула за угол и чуть не врезалась в девушку; подняла голову, чтоб извиниться. *...О, блин! Не зря говорят, что Воронеж – маленький и тесный!.. А наштукатурилась-то!.. И гриву выбелила!..*

– Катька! – воскликнула девушка.

– Наташка, тебя и не узнать!

Они молниеносно обнялись, тут же отстранились и замолчали, придирчиво разглядывая друг друга. Масса информации, скопившейся за... *да больше десяти лет прошло!..* готова была хлынуть потоком; только, вот, с чего начать?..

– Ну, ты как? – Наташа, наконец, дала толчок разговору.

– Нормально, – Катя вдруг поняла, что для нее это емкое слово характеризует все прошедшие годы, а для постороннего слушателя не значит ровным счетом ничего. Посмотрела на часы, – вообще-то, у меня есть чуть-чуть времени...

– Так пойдем, посидим где-нибудь. Сто лет тебя не видела!

Быстро перебежав улицу, они уселись за столик летнего кафе, которое Катя не причислила к разряду «нормальных», но искать чего-то другого уже не хотелось.

– Ты и не изменилась – все такая же, – Наташа подперла ладонями лицо, внимательно изучая бывшую одноклассницу.

– Да уж, конечно...

– Замуж-то вышла?

– Вышла и снова зашла, – Катя рассмеялась, – как в песне: «Красивая и смелая дорогу перешла...»

– Дети есть?

– Слава богу, не успели.

– А у меня дочка во второй класс ходит.

– Так родить-то, дело дурацкое, а потом?.. Вот, выйду за миллионера, сразу нарожаю кучу. Буду на «Мерсе» возить их в колледж, в бассейн...

– Дурочка ты, – заключила Наташа.

– Да не дурочка я, – Катя вздохнула, но не в ее правилах было жаловаться на жизнь, поэтому она спросила, – ты-то как?

– Я хорошо. Муж бизнесмен; не миллионер, но все же. Зимой в Австрию ездили, на лыжах катались...

– А ты умеешь? – удивилась Катя.

– Нет, но... – Наташа сделала невинные глаза, – все равно прикольно. Там такие ресторанчики клёвые.

Катя не знала, что сказать. У нее с детства отложилась мысль, что каждый получает исключительно то, чего заслуживает, и за любой, внезапно свалившийся подарок судьбы, тоже приходится платить – суть праздника лишь в том, что подарок заворачивают в красивую обертку. Словно подтверждая эту не убиенную формулу, Наташа вздохнула.

– Знаешь, поначалу я просто балдела, а потом чувствую, что угасаю. Скучно до безумия...

Катя подумала, что, скорее всего, это попытка примерить маску эдакой пресытившейся жизнью светской львицы, но не собиралась никого ни в чём уличать.

– А где сейчас дочка?.. – напомнила она.

– Дочка с няней; еще гувернантка ходит, – Наташа махнула рукой, развеяв образ идеальной мамы, – я, тут, мужика завела. Знаешь, как адреналина добавляет?

– Как ты в школе была потаскушкой, так и осталась...

– Прямо уж, – Наташа обиделась, – сколько у меня их тогда было? Вовка Кривцов, да Макс. А у самой-то?

– Ладно, – Катя решила, что перебирать прошлое в таких подробностях не имеет смысла; в то время у нее тоже было много пацанов, только она не спала с ними, в отличие от Наташки...

– Заказывать что-нибудь будем? – спросила Наташа.

Катя решила, что дальнейший разговор вряд ли получится естественным и откровенным. Вечно ее язык все портил!..

– Не, пойду я, наверное, – она посмотрела на часы, – меня уже ждут. Наташ, ты не обижайся; это я так...

– Ладно, чего там, – видимо, удовлетворенная извинением, Наташа улыбнулась, – может, ты и права. Но от этого я ж не делаюсь хуже, правда?

– Правда, – честно согласилась Катя.

– Возьми, – открыв сумочку, Наташа протянула визитку, – звони, если скучно станет.

Катя повертела в руках тоненький картонный прямоугольник, где значились фамилия, имя и номер мобильного телефона – ни фирмы, ни должности. (...*Впрочем, откуда б им взяться?..*) и четко увидела эту визитку в виде газетного объявления рубрики «Досуг», но на этот раз ей хватило такта, чтоб промолчать.

– Позвоню, – сказала она, – пока.

– Пока, – Наташа сделала прощальный жест, несколько раз резко сжав пальцы с длинными бледно-зелеными ногтями, словно пыталась дотянуться до Кати, и тут же отключившись от общения, повернулась к плотному ряду бутылок с пивом, которой пестрел за стойкой.

Катя вынырнула из-под тента и пошла вперед, чтоб, миновав «толпу», вернуться к офису «Компромисса» с другой стороны. ...*Блин, придумают же название! Интересно, это просто так или оно что-то символизирует?..* Наташина история сразу сгладилась в памяти, а пройдя еще метров двести, Катя уже окончательно забыла о ней, сосредоточившись на предстоящем разговоре. ...*Конечно, хорошо б работать в такой конторе, получать такую зарплату, носить такие шмотки, только... Ирка-то как понеслась работать!.. Даже не поболтали. А чайку попить?.. Я сдохну с такими порядками... Да и компьютер, блин...* Для нее он являлся одушевленным существом, чудом выпавшим из теории эволюции Дарвина.

По привычке, забежав в пару магазинов и сравнив цены с ценами Андрея (хотя, в принципе, ей это уже и не требовалось), Катя неожиданно обнаружила, что три часа, казавшиеся ужасно длинными в своей бесполезности, прошли. «Толпа» опустела и машины разъехались, освободив место для редких гуляющих парочек, а Ира уже стояла у входа, разглядывая прохожих.

...*Прям, модель, — решила Катя, — хотя, одень меня так, я буду смотреться не хуже...* Особой зависти при этом она не испытала, скорее, чисто женское состояние собственной нереализованности. Мужчина, как правило, страдает, когда ему не удастся продемонстрировать, либо мозги, либо бицепсы, а женщина – внешность.

– Еще пять минут, – подходя, Катя постучала по часикам.

– Нас пораньше отпустили, – Ира двинулась в направлении небольшого сквера, – ну, рассказывай. Как жизнь?

– Разве то жизнь? – Катя махнула рукой, – опять уволилась.

– А что так?

– Не сошлись характерами с шефом. Да и надоело мне сидеть в его лавке.

– Значит, так, – Ира принялась загибать пальцы, – больницу я не считаю. Потом ты работала в аптеке; потом пошла в косметологи, потом в менеджеры, потом торговала на «толпе»...

– Ты еще забыла «Avon», – Катя прикрыла ее ладонь своей, – ну, не нравится мне все это, и платят мало.

– И что теперь?

– Не знаю, – Катя замолчала, надеясь, что Ира продолжит сама, ведь близкие подруги должны понимать друг друга с полуслова, но ее взгляд рассеянно блуждал по лицам прохожих, по домам и автомобилям.

– Пойдем, покурим, – предложила Ира.

Они как раз подошли к скверу, через который широкая аллея вела к Камерному театру. Старые деревья, которые уже были старыми, когда ни о каком театре никто не помышлял, а располагался здесь обычный Дворец культуры, жадно поглощали жару. Место было очень уютное, и потому здесь отсутствовали скамейки; казалось бы, в таком подходе напрочь отсутствовала логика, но в России логика своя – иначе б вокруг мгновенно появились окурки, пустые банки и прочий мусор. Ира остановилась под деревом; не спеша скомкала шуршащую упаковку с новой пачки и не найдя урну, сунула обратно в сумочку; достала зажигалку.

– А ты, как в училище бросила, так больше и не куришь?

– Да меня отец на всю жизнь «закодировал».

– Чо, правда? – Ира вытаращила глаза, – а ты не рассказывала. Прямо, реально к экстрасенсу водил? Прикольно!

...Прикольней некуда, – подумала Катя, но, с другой стороны, сама она давно пришла к выводу, что отец, скорее всего, поступил правильно, а, значит, и стыдиться тут нечего.

– Никуда меня не водили – «экстрасенсов» у нас в саду, знаешь, сколько росло?.. Что, не въехала? – Катя засмеялась, – короче, гости у нас были. Я под шумок выскочила курнуть, и отец меня застукал. А у нас семья сплошь некурящая...

– У меня, вроде, тоже, – Ира пожала плечами, – и что?

– Так отец же агрессивно некурящий был. Короче, дядя Вова положил передо мной сигареты, мать принесла из сада прутья, а отец спустил трусы (прикинь, это при гостях!), да так высек, что я три дня сидеть не могла; даже в училище не ходила.

– Садизм какой-то...

– Я отца после этого, прямо, возненавидела! А сейчас понимаю, в том возрасте только так и можно отучить от вредных привычек, а умные беседы... слушай, – Катя весело прищурилась, – давай, тебя тоже «закодируем»? Я, как лучшая подруга...

– Иди ты, дура! – Ира испуганно сплюнула через плечо, – не буду я ничего бросать! Моему шефу нравится, когда я курю, а слово шефа у нас – закон.

– Слушай, – Катя обрадовалась, что разговор сам собой повернул в нужное русло, – а он меня на работу не возьмет? Ты ж знаешь, я легко обучаемая, все на лету хватаю.

– Тебя, точно, не возьмет, – неожиданно отрезала Ира.

– Что, рожей не вышла?

– Не в рожу дело; он только замужних берет.

– С чего такая дискриминация?

– А такие, вот, условия контракта.

– Странно... – Катя решила, что это лишь отговорка, но не поняла ее смысла – делить им, вроде, было нечего; наоборот, на пару у них всегда все получалось лучше, чем по одиночке.

– Только между нами, – Ира почувствовала, что подруга обиделась, – никому, ладно?

– Кому мне болтать-то? – удивилась Катя.

– Нас там восемь девок, – Ира наклонилась, словно даже в пустом парке кто-то мог их услышать, – а шеф – мужик; бабла у него – не меряно...

- А замужество причем?
 - Притом. Только никому, да?.. Имеет он нас всех.
 - Что, в натуре? – опешила Катя.
 - Да уж не в эротических фантазиях! Вызывает, типа, в кабинет, с документами. Бумаги на стол, а тебя на диван...
 - Кошмар, извращенец какой-то!..
 - Почему извращенец? – Ира пожала плечами, – за такие бабки, какие он платит...
 - То есть вы, типа, проститутки?
 - Зачем же так? – Ира усмехнулась, – проститутки – это те, кто со всеми подряд, а мы, скорее, гарем. Не знаю, чем в свободное время занимаются наложницы у шейхов, а мы консалтингом, бухгалтерией, юриспруденцией...
 - Слушай, – Катя мотнула головой, пытаясь обуздать взбунтовавшееся сознание, – неужто, правда, такое возможно? В наше время, в нашем городе?..
 - И в наше время, и в нашем городе...
 - Нет, такая работа, точно, не по мне, но все-таки не пойму – почему он берет замужних? Казалось бы, наоборот...
 - А потому что он умный! – перебила Ира, – он же берет не абы кого, а тех, кто замужем за богатыми папиками; тех, кому уже обрыдло таскаться по бутикам и всяким салонам в сопровождении охраны; тех, кому нужен экстрим! Да и бабки, о которых муж не знает, лишними не будут, а то в один прекрасный день выставит на улицу с голой жопой... короче, там у всех свои тараканы.
 - А если мужья узнают? Не боитесь?
 - Типун тебе на язык! – Ира испуганно сплюнула, – реально одна Ленка постоянно сыт по этому поводу; даже увольняться собралась, а шеф ей такое портфолио выкатил! Похоже, у него в кабинете еще и камеры стоят. Так она, бедная, теперь куда бечь не знает – прикинь, если он мужу фотки отправит? Да ей, вообще, не жить тогда.
 - Какие-то ужасы... – вопросов у Кати было множество, но она выбрала один, причем, не самый главный, – и часто он вас?..
 - Когда как, но всегда должна быть готовность номер один. А за что, думаешь, он нам по штуке «зелени» платит? – Ира воодушевилась, заговорив про деньги, – за «старшего референта», да? За то, что мы на компьютере тюкаем?.. Прикинь, а Ленка – дура!.. Я, говорит, двухмесячную зарплату отдам, только помогите свалить отсюда; достала, блин!..
 - За два месяца – это две штуки баксов, да? И за такие бабки она ничего не может решить? Наняла б крепких ребят...
 - Каких ребят!.. – Ира рассмеялась, – ты даже не представляешь, с какими людьми шеф общается! Там всем ребятам головы на раз посшибают!
 - Все равно что-то можно придумать – безвыходных ситуаций не бывает.
 - Если хочешь, придумай, – бросив сигарету, Ира вдавила ее в землю, – бабки она отдаст, отвечаю.
 - Правда? – Катя не ожидала такого поворота.
 - А что? – Ира пожала плечами, – нам спокойнее будет без этой психопатки. Идем, посидим, а то выстроились, как две дуры.
- Они вышли из сквера; обрывки разговоров, смех, да и просто встречные лица создавали совсем другое настроение, но Катина мысль замерла в трепетном восторге: *...Две штуки баксов, чтоб избавить девку от морального урода – это ж классный вариант! А там, глядишь, и остальные подтянутся. Они, небось, просто боятся его – никогда не поверю, что им нравится, когда их тупо трахают, даже за большие бабки!.. А что если оформить себя частным предпринимателем и разруливать всякие такие истории? Да с моей-то фантазией!..*

Не сговариваясь, они свернули в красно-белый шатер, где сидели лишь двое мужчин, ведших беседу с калькуляторами в руках. Проходя мимо стойки, Ира прихватила две маленькие бутылочки пива, орешки и водрузила все это на свободный столик. Перегретая ткань излучала душное тепло и специфический запах пыли.

– Знаешь, – Ира закурила, – зря я тебе все это рассказала.

– Почему?

– Ты ж максималистка; сгоряча какую-нибудь фигню сотворишь... – на протестующий Катин жест Ира погрозила пальцем, – я тебя знаю. А шеф стопроцентно вычислит, что мы подруги и все такое. И куда я тогда? Меня, извини, там все устраивает. Нет, муж у меня классный, но он в своих проблемах; я для него, типа, мебель, а он – благодетель, добытчик; я должна быть ему благодарна по гроб жизни за то, что с барского плеча подкидывает мне немного бабла. Он может так прямо не говорит, но он это думает; ты меня понимаешь?

– Наверное, – Катя вспомнила самые пронзительные моменты своей семейной жизни – ей тоже не хватало, именно, любви и денег, причем, одно цеплялось за другое, и неизвестно, что являлось первичным. Когда нет денег даже на колготки, и любовь не греет; а когда нет любви, хочется хотя бы денег. Впрочем, открылось это ей только сейчас, а тогда все воспринималось как временные трудности; еще полгода, год – все наладится, и уж тогда!.. Да, тогда все у них было прекрасно, если б еще не закончилось так, как закончилось...

Катин агрессивный пыл поулег, хотя предложенная схема отношений продолжала выглядеть совершенно дико. Может, в мусульманском мире, о котором она знала лишь понаслышке, такой вариант и естественен, но здесь, где бабы «входят в горящие избы» и «останавливают коней»! ...*Зачем, вот, ему их восемь?* — вдруг подумала Катя, – *почему нельзя спать с одной, и давать ей по штуке в месяц «на булавки»?*

– А жена у него есть? – продолжила она мысль вслух.

– Понятия не имею, – Ира беззаботно пожала плечами, – лично мне, без разницы – он сам по себе замечательный, – больше она не нашла аргументов и отпив пива, вдруг сказала, – так что давай закроем тему. Я тебе ничего не рассказывала, да?

– Хозяин – барин, – Катя разочарованно вздохнула, но сделала это для Иры, прекрасно понимая, что другого варианта за раз заработать столько денег, у нее не будет никогда; и как же можно от него отказываться?..

– Ну, мне пора, – Ира посмотрела на часы, – а то муж ревнует, если я задерживаюсь, не поставив его в известность.

Катя чуть не расхохоталась от столь трепетной заботы, но вовремя сообразила, что так недолго и потерять лучшую подругу, поэтому понимающе кивнув, сделала серьезное лицо.

– Пока. Звони, если что.

Она дождалась, пока Ира поймает такси, и оставив недопитое пиво, направилась к остановке, придирчиво изучая проходящих мимо женщин и прикидывая, кто из них мог бы согласиться работать в «Компромиссе». Конечно, у нее были свои критерии, но в итоге получалось не так уж и мало...

Домой Катя вернулась не расстроенная, но задумчивая.

– Как дела? – мать сразу появилась из комнаты.

– Работу мне уже предложили; опять в магазине, так что не пропадем, – отрапортовала она бодро.

– А Ира твоя что сказала?

– Ой, у нее там все очень сложно. Боюсь, я не справлюсь.

– Видишь, все-таки надо было учиться, – мать вздохнула.

Катя не стала напоминать, кто отговорил ее идти в институт сразу после школы. Да и знала б она, что дело вовсе не в образовании, а, скорее, в воспитании. ...*Вот, у Наташки*

таких проблем наверняка б не стояло... Мысль еще не оформилась окончательно, но Катя чувствовала, что та уже появилась.

– Чем теперь торговать будешь? – спросила мать.

– Снова обувью.

Тема показалась настолько скучной, что Катя поспешила сбежать от дальнейших распросов в свою комнату. Сбросила одежду, пахшую несвежим телом, и облачившись в купальник, вышла во двор. Летний душ являлся неизменным ритуалом – без него она не ощущала комфорта.

Обычно ласковые струи смывали все накопившиеся за день проблемы, деля день на две части – суетную и вольную, когда можно расслабиться и принадлежать только самой себе, но сегодня почему-то проблемы не уходили. Наверное, впечатления оказались слишком сильными, чтоб избавиться от них так просто.

Катя вышла из душа и остановилась посреди дорожки, ожидая, пока заходящее солнце высушит кожу, сделав ее гладкой и бархатистой. Сквозь редкий забор она видела изнуренных жарой «пляжников», понуро поднимавшихся с берега. Дети хныкали и просились на руки, но уставшие родители только одергивали их, отгоняя, словно уличных собачонок.

...Они ж знали, чем все закончится, – подумала Катя, – и, тем не менее, или. После такого отдыха надо еще два дня дома отлеживаться... Так и мы, знаем, чем все заканчивается, но почему-то думаем, что, именно, у нас оно обернется по-другому. Поэтому, на фиг, философию! Каждый в жизни устраивается сам, и надо всего лишь решить, что делать дальше – идти к Димке в магазин или?.. Коробки с обувью вызывали, если не отвращение, то изначальную усталость и хандру, хотя Катя еще не видела, ни их, ни нового магазина. *...Все-таки приятней заработать две штуки баксов... блин, это ж больше года торчат за прилавком!..* Этот убийственный аргумент окончательно рассеял оставшиеся смутные сомнения, и следующая мысль уже была совершенно четкой: *...И как же без помощи Ирки выйти на эту Лену?..*

Солнце почти зашло, и на пороге появилась мать, направляясь в свой любимый огород. Катя уже знала, что сейчас потребуется принести воды или продернуть какую-нибудь грядку, поэтому предпочла поскорее скрыться в доме.

*

К вечеру Катины мысли не только не обрели конкретики, а, наоборот, расплзлись, рождая новые и новые варианты, один фантастичнее другого. Собственные идеи мешались со сценами из сериалов; мечты, прошедшие тяжкий путь трансформации от «принца на белом коне» до «хорошей зарплаты и мужика, несильно пьющего» путались с рассказами подруг, явно приукрашавших свою жизнь, чтоб не выглядеть законченными неудачницами. Она даже не стала смотреть телевизор, чтоб не разрушить этот сложный узор, из которого каким-то образом должно было возникнуть верное решение.

– Спокойной ночи, – мать заглянула в комнату.

– Ты уже спать? – удивилась Катя.

– Так двенадцать, – мать подозрительно взглянула на дочь, – у тебя, точно, ничего не случилось?

– Точно, – Катя послала воздушный поцелуй; едва дверь закрылась, она улеглась на спину, подняв повыше подушку, и уставилась в окно. Огромная луна пристально разглядывала в комнату. Темные рельефы лунных гор и впадин нечеткими мазками набрасывали контур лица, которому можно было придать любое выражение и даже портретное сходство. Только сходство, с кем? Никто из ее знакомых не мог претендовать на то, чтоб сравниться с лунным ликом. Значит, это незнакомое лицо, но очень хочется его увидеть...

Вдруг под напором холодного света окно распахнулось. Стекло, до этого являвшееся преградой, перестало сдерживать его, и луч втянулся в комнату, обретя форму человека в белых одеждах. Катя почувствовала, как он легко поднимает ее на руки, переносит через подоконник и дальше... дальше они летят! Прохладный ветер ласкал Катину тело, лицо, а волосы, ставшие длинными, как никогда, щекотали спину.

Полет, правда, длился не долго. Белое облако, вместе со своей ношей, стало опускаться, и когда Катины ноги коснулись земли, исчезло вовсе. Она увидела, что находится перед дворцом (какими их изображают в детских книжках), огороженным высокой глухой стеной, но не успела толком осмотреться, потому что из роскошных врат появилась танцовщица, одетая в подобие юбки из тонких нитей с нанизанными на них блестящими бусинами. Бусины вместе с браслетами на руках и монисто на шее, при каждом движении издавали приятный перезвон. Рядом с танцовщицей смешно кружились маленькие мужчины в вышитых золотом мундирах и женщины в балетных пачках, из-под которых почему-то торчали пушистые хвосты.

Двигаясь в ритме восточных танцев, девушка приблизилась и взяла Катю за руку. Ее пальцы оказались настолько холодными, что Катя вздрогнула, и от этого картина резко изменилась. Дворец превратился в ветхую лачугу, человечки – в собак и кошек, сохранивших прежние костюмы и по инерции продолжавших кружиться, будто ничего и не произошло. Наверное, это выглядело бы смешно, если бы не холод, исходивший от рук танцовщицы, которая уже вела Катю к дому, но не к главному входу с полуразрушенным крыльцом, а к другой, низенькой двери. Когда дверь открылась, впереди возникла темная лестница, ведущая в подвал. Катя рванулась вверх, но руки танцовщицы держали ее, словно клещи; при этом она смеялась и взглянув ей в лицо, Катя узнала Наташку. Рванулась сильнее, но школьная подруга держала ее спокойно и уверенно, хотя и не прилагала никаких видимых усилий. В этот момент снова появилось белое облако. Холодная рука тут же разжалась, а облако подхватило Катю, подняло над землей, над домом, вновь превратившимся во дворец...

– Куда мы летим?! – воскликнула Катя, боясь, что облако занесет ее в гораздо более жуткое место, но облако молчало, – куда мы летим?!... – она попыталась схватить, ударить своего похитителя, но разве можно ударить воздух?..

Они поднимались все выше, и скоро уже стало невозможно разобрать, где земля, а где луна, потому что они обе сделались практически одинаковыми.

Катя почувствовала под собой опору; попыталась повернуться. Диван скрипнул. Она открыла глаза и в ужасе увидела яркий диск (...Луна или Земля?..), но в следующее мгновение разглядела перекладины окна, отделявшего ее от светила. ...*Значит, я все-таки в своей комнате, – облегченно перевела дыхание, – блин, приснится ж такое!.. А Наташка что там делала?.. Наташка...* Видимо, ее сознание все время работало над поставленной задачей, в конце концов, выдав результат в столь аллегорической форме, и пока сон не улетучился, Катя успела поймать его основную идею. ...*Конечно! Только Наташку можно заслать в «Компромисс»! Если ей по жизни не хватает приключений, то там она найдет их более, чем достаточно!.. И она покажет мне Лену, а дальше – мои проблемы, – Катя посмотрела на часы, – и спала-то она всего два часа. До утра еще так далеко!..*

Она встала, включила свет, остановилась посреди комнаты, внимательно изучая знакомые вещи и выбирая, к чему бы приложить внезапно пробудившуюся энергию, но так и не нашла. Подошла к окну. Ночной пейзаж завораживал, а знакомые предметы обретали новое значение. Казалось, достаточно только приблизиться к ним, чтоб тут же оказаться в другом измерении; в мире, где протекает совсем другая жизнь, и действуют другие законы. Дополняя это ощущение, в комнату вползал тяжелый, дурманящий запах маттиолы.

Подчиняясь внезапному влечению, Катя осторожно прошла по темному коридору, неслышно повернула ключ и шагнула на крыльцо. В то же мгновение ночь приняла ее в свои объятия, окрасив, как и все вокруг, в серебристые тона, наполнив удивительным ароматами

(...и куда они исчезают днем?..); в уши ворвалась переключка цикад, и даже резкий стук колес и гудки тепловозов не выпадали из общего настроения.

Катя несколько раз вдохнула теплый, но не раскаленный воздух. (...И почему все не наоборот, ведь гораздо правильнее днем спать, а ночью пробуждаться вместе с природой?..)

– Не делай этого, – вдруг раздался голос за спиной.

– Чего? – не поняла Катя, подумав, что проснулась мать и тоже вышла из душевой комнаты, подышать. Обернулась – дверь закрыта; на крыльце тоже никого.

Первая возникшая мысль оказалась и самой логичной – она не просыпалась, а все еще продолжается сон. Просто «по сюжету» белое облако принесло ее из дворца домой. ...*Забавно, какими, оказывается, реалистическими могут быть сны! Жаль, что так редко удается их запомнить...*

– Кто ты? – спросила она, – я тебя не вижу.

– Я – твой ангел-хранитель, – ответил голос.

– Жесть! – Катя радостно улыбнулась, – то есть, у меня есть ангел-хранитель?

– Он есть у всех...

– И ты будешь оберегать меня? – перебила Катя.

Голос засмеялся. В этот момент Катя подумала, что не может определить его пол – он был как бы не мужским и не женским, и в то же время, и мужским, и женским одновременно, но явно не подходил под определение «ангельский голосок».

– Понимаешь, – наконец произнес голос, – оберегать – понятие очень абстрактное, и вряд ли применимо в данном случае. Как можно, например, оберегать какого-нибудь альпиниста? Не пускать его в горы? Но тогда он перестанет быть альпинистом. Это будет уже совсем другой человек, и ангел-хранитель у него должен быть другим. Понимаешь, в чем фокус? Мы зависим от вас так же, как и вы от нас.

– А в чем же ваше предназначение?

– Не оберегать, а предостерегать. При этом ты вольна поступать так, как считаешь нужным. Нас можно не слушать, хотя такие упрямцы добавляют нам работы. С другой стороны, с ними интересно...

– А почему раньше ты никогда не приходил?

– Зачем? С тобой ведь не происходило ничего такого, от чего б стоило предостерегать.

– Да?.. – Катя растерялась, – а неудачный брак, например.

– Ты считаешь его неудачным? Муж что, избивал тебя, покалечил? Или ограбил, и ты оказалась на улице? Или ты потеряла ребенка?

– Нет...

– Так в чем дело? Или ты хочешь, чтоб мы предостерегали вас от жизни вообще? А вам тогда что останется делать? Тогда уж проще сразу умереть и не морочить голову, ни нам, ни себе.

Катя как-то по-другому взглянула на свою жизнь и решила – поскольку это сон, значит, она сама пришла к выводу, что ее жизнь совсем не плоха, а лишь скучна и монотонна, поэтому в ней надо кое-что просто чуть-чуть подправить.

– Почему ж ты пришел сейчас? – спросила она, заранее зная ответ, но голос, немного подумав, сказал совсем неожиданно:

– Хочешь честно?

– А разве ангелы могут врать?

– Конечно, – голос снова рассмеялся, – не забывай, что Дьявол – это тоже бывший ангел, так что все мы родственники. Так вот, если честно, я заглядывал к тебе раз в год – с тобой никогда не было никаких хлопот, и для меня лучше, если так и будет продолжаться, а то, что ты собираешься сделать, создаст нам обоим массу проблем. Может, не надо, а? – попросил голос.

– Но мне надоело так жить! Я хочу какой-то интерес!.. Хочу мужа, любви... денег, на худой конец!

– Значит, скоро встретимся... – послышался тяжелый вздох.

– Эй! А почему ты против моих дел с «Компромиссом»? – спохватилась Катя, но ответа уже не последовало. Вместо него за забором раздались голоса, громко спорившие о преимуществах новой автоматической катушки, и два рыбака прошли вниз по улице, чтоб успеть к утренней зорьке.

Катя вернулась в дом. Сон опустился на нее мгновенно, укрыв одеялом из пестрых кругов и ярких вспышек, но больше ей ничего не снилось.

*

Разбудило Катю обсуждение цен на рынке и видов на урожай. Прислушавшись, она узнала голос соседки, спорившей с ее матерью. Солнце давно поднялось, и пока еще бодрые люди весело спускались к воде, а поезда постукивали тихо, словно чувствуя, что мир поглотили новые, дневные заботы.

Катя вскочила, и только сев на постели, вспомнила, что спешить ей некуда. Рассмеялась, снова откидываясь на подушку. ...*Такая жизнь мне нравится, если б еще за это платили деньги!*.. Постепенно восстановилась цепочка вчерашних событий; как ни странно, вернулись и воспоминания о двух снах – про странный дворец и про ангела-хранителя. Катя долго, но тщетно пыталась подогнать их один к другому, но они выглядели деталями разных механизмов, зато четко оформилась идея, как проникнуть в неприступный «Компромисс» и найти бедную Лену.

Сны сразу потеряли актуальность. Катя направилась в ванную, но в коридоре столкнулась с матерью.

– Отсыпaeшьcя? – спросила та с улыбкой.

– Ночью что-то плохо спала.

– Болит что-нибудь?

– Нет, сны замучили. Представляешь, сначала я летала на облаке во дворец, где танцевала Наташка Симонова. Помнишь, из нашего класса? Хотя ты не помнишь ее... а потом мне приснился ангел-хранитель.

– Да? – мать снова улыбнулась, – и что он тебе сказал?

– Ой, короче, все я делаю правильно!..

– Вам в училище психологию преподавали? – поинтересовалась мать.

– Наверное. Не помню уже, а что?

– Почитай; интересно. Ангел-хранитель – это, вроде, наше второе я; так сказать, внутренний оппонент при принятии каких-либо решений. Например, ты собираешься перейти улицу, а он тебе говорит – смотри, машина близко...

– Мам, ну, что я, маленькая, что ты мне все разжевываешь? – Катя засмеялась, – я тебе просто рассказала...

Пока в кастрюльке варилось яйцо и гудел чайник, еще только собираясь выдохнуть густую струю пара, мать ушла обратно на улицу, а Катя достала Наташину визитку и телефон. Она даже не думала, как собирается объяснить свое предложение. Ей казалось достаточным, что она сама представляет схему до конца, а при встрече уж что-нибудь придумает.

Наташа немного удивилась, но встретиться согласилась. ...*А куда она денется? Со мной же ангел-хранитель*, – подумала Катя весело, – *конечно, это чушь, но, оказывается, какую все-таки роль играет психологический настрой...* Тут она в очередной раз пожалела, что не пошла в мединститут – только теперь ей хотелось стать не обычным врачом, а психологом. ...*А что? У меня б получилось...*

*

Наташа опоздала на пять минут; она уверенно лавировала между еще пустыми столиками, и глядя на нее, Катя подумала, что психолог она пока никудышный, так как даже не представляет, с чего начинать разговор.

– Привет, – Наташа присела напротив и отработанным жестом выложила на стол сигареты, – а ты с утра мороженым балуешься?

– Ага. Будешь? – Катя кокетливо облизнула ложечку.

– Буду. Но сначала съем крылышки и картошку. Жуть, как люблю эту гадость, а еще всякие гамбургеры с чизбургерами. Наверное, мне надо было родиться в Америке. Ты не спешишь?

Катя покачала головой, и Наташа скрылась за стеклянной дверью, где десяток подрабатывающих студентов в синей униформе шустро выдавал готовые порции еды. Отсрочка пошла Кате на пользу, и когда Наташа вернулась с подносом, она уже приняла самое простое решение – постараться не врать, но выдавать при этом минимум лишней информации.

– Какие будут предложения? – Наташа взяла крылышко.

– Хочу предложить тебе стабильную работу за неплохую зарплату, но связана она с сексом.

– В качестве кого? – Наташу ничуть не смутило слово «секс», да и суммой она особо не заинтересовалась – как, собственно, Катя и предполагала.

Честно было бы ответить, в качестве «подсадной утки», но Катя не осмелилась на такую прямоту, и пропустила вопрос.

– Мне же взамен нужна информация, – сказала она, – бабки все твои.

– Излагай, – Наташа отложила обглоданные кости.

Черта, определявшая границу между обычным предложением и предложением «непристойным» оказалась с легкостью преодолена, и Катя почувствовала себя уверенней.

– Значит так... – собираясь с мыслями, она торопливо проглотила несколько ложечек мороженого, – есть одна фирма...

Дальше она пересказала все, что узнала вчера, утаив лишь то, зачем ей нужна Лена; Наташа за это время успела покончить с едой и стерев помаду с жирных губ, перешла к десерту. Катя замолчала, терпеливо наблюдая, как уменьшается мороженое в Наташиной вазочке, и вдруг подумала, что это похоже на песочные часы – когда ложечка коснется дна... но все произошло гораздо раньше.

– Значит, тебе нужно только показать подругу? На этом наш контракт считается исполненным, да? – уточнила Наташа.

Катя не ожидала такой «умной» формулировки и лишь кивнула в ответ.

– Сколько, говоришь, они платят? Штуку баксов в месяц? Это нормально. Муж мне дает пятьсот на карманные расходы, – ложечка, наконец, стукнула о дно вазочки. Все-таки это являлось определенной вехой, потому что Наташа наклонилась, словно дальнейший разговор должен стать сугубо конфиденциальным, – а если меня не возьмут?

– Не возьмут, значит, не возьмут, – Катя развела руками. В принципе, она допускала такую возможность, но пока никакого другого варианта в голову не приходило.

– Ладно, попробуем, – Наташа достала сигарету, – в конце концов, о таком я еще не слышала – даже интересно. И бабки неплохие, а уйти ведь никогда не поздно, да?

– Ну, наверное... я ж там не работала, – слово «наверное» спасало от заведомой лжи, но оставляло неприятный осадок.

– Где, говоришь, они обитают? – Наташа не дала Кате заняться самоанализом, – сейчас, прям, к ним и заеду, а вечером позвоню. У тебя телефон-то есть? – она достала мобильник, – ты у нас Катя, да?.. У меня тут все по именам... давай, диктуй.

Убрав телефон, она весело рассмеялась.

– Блин, никогда не думала, что сутенером у меня будет школьная подруга. Ладно, вечером позвоню.

Когда она отошла, Катя вздохнула с облегчением. Как говорят в детективах, то ли «сети раскинуты», то ли «ловушки расставлены» (она не помнила точно), но оставалось лишь ждать.

Глава вторая

Особняк с желтой крышей, возвышался над остальными домиками, как куча песка над детскими куличиками. Он походил на замок со средневековой гравюры, и только телевизионная «тарелка» над окнами третьего этажа напоминала прохожим, что они не заблудились во времени. Правда, взирали они на этого монстра, как правило, с другой стороны улицы, предпочитая даже в слякоть месить грязь, хотя вдоль высокого каменного забора имелся замечательный участок, выложенный тротуарной плиткой; а все потому, что периодически над забором возникала злобная, мохнатая морда. Собака, по видимости, была огромной, но какой конкретно, не знал никто; как, впрочем, и ее породы. А еще, когда зверь начинал рычать и рваться на свободу, отчетливо слышался противный вибрирующий звук – это пел металлический трос, натянутый по всему периметру; казалось, он вот-вот лопнет, и тогда начнется невообразимое...

В отсутствие деревьев, плотные, вечно задернутые шторы скрывали происходившее в доме. Хотя, по мнению соседей, ничего особенного там и не происходило – никаких гостей с шумными застольями, никаких фейерверков по праздникам. Такая размеренная жизнь даже вызывала уважение, если б еще не эта жуткая собака.

Каждое утро черный «Лексус» выползал из ворот, которые тут же автоматически закрывались. Дотошный наблюдатель успевал разглядеть ровный газон, да два фонаря, выполненных в таком же странном стиле, что и сам дом. Возвращался «Лексус» всегда в одно и то же время, никогда не задерживаясь. Идеальный объект для грабителей, но ни одной попытки пока не было – наверное, атмосфера, окружавшая дом, внушала страх даже самым последним «отморозкам».

Кого возил «Лексус» тоже никто не знал, потому что тонированные стекла полностью скрывали водителя... а, может, кроме водителя там находился и еще кто-нибудь. Зато второго обитателя дома могли лицезреть все, причем, в самое непредсказуемое время. Он мог пропадать по нескольку дней, а потом вдруг появиться, усталый, с явными признаками злоупотребления алкоголем или, наоборот, с просветленным лицом, словно заново взирающий на мир. Последнее случалось не часто, и определенно было связано с большими плоскими предметами, завернутыми в серую бумагу и очень походившими на картины. Возможно, он являлся художником, но никто никогда не видел его на проспекте, где тусовались местные живописцы. Выдвигались также предположения, что он пропивает фамильную коллекцию, но тогда почему хозяин «Лексуса» до сих пор не избавился от пьяницы и дармоеда или, по крайней мере, не изолировал его от ценностей?

Вообще, статус «художника» был совершенно непонятен, и, тем не менее, он жил в этом доме и, вроде, неплохо себя чувствовал – только никогда не ездил на «Лексусе», предпочитая пользоваться маршруткой, хотя это и не делало его более доступным для общения. Заняв место у окна, он сразу отворачивался и только если кто-то трогал его за плечо, передавая за проезд, молча протягивал руку.

Больше в дом никто не входил и не выходил из него...

*

Часы показывали восемнадцать двадцать пять. Как всегда, ворота перед «Лексусом» открылись и легко заглотив тяжелую машину, закрылись вновь, прервав секундное сношение дома с внешним миром. Перед пологим съездом в гараж Вадим остановился и заглушив двигатель, опустил стекло. Сет (названный так по имени египетского бога) с рычанием рванулся

к хозяину, но трос удержал его. Мощный ошейник впился в его шею; пасть оскалилась, обнажив клыки; язык вывалился...

– А вот это не надо, – Вадим усмехнулся, – если сожрешь меня, кто будет тебя кормить?

Он протянул руку на заднее сиденье и перетащил оттуда тяжелый пакет. Достав кусок мяса, швырнул его к забору, и зверь поймал его на лету; было слышно, как хрустят кости под могучими челюстями; потом бросил «добычу» на землю и придавив лапой, принялся рвать, довольно рыча.

– Ох, зверюга! – подняв стекло, Вадим убрал ногу с тормоза, и машина плавно скатилась в поднявшиеся ворота гаража. Подхватив изрядно похудевший пакет, Вадим прошел по узкому коридору и оказался в просторном холле. По привычке прислушался, но не уловив посторонних звуков, поднялся на третий этаж; постучал, но никто не ответил. Значит, Константин так и не возвращался.

Спустился этажом ниже, в свои апартаменты; переделся и спустившись на кухню, занялся приготовлением ужина. Отрезав несколько пластов мяса и отбив так, что кровавые брызги долетали даже до плитки на стене, бросил их на сковородку. Раскаленные капельки масла тут же выстрелили в разные стороны, осев и на плите, и на столе, но Вадим не обратил на это внимания. Вымыв руки, он открыл бутылку красного вина, налил полный бокал, и пока мясо обрастало золотистой корочкой, опустился на стул, задумчиво изучая помещение, словно пытаясь обнаружить нечто новое, но откуда б то новое могло взяться?.. Сделал глоток; потом допил до конца и вернулся к мясу.

Еда заняла совсем немного времени. Решив, что для уборки сегодня нет соответствующего настроения, свалил грязную посуду в раковину и вновь поднялся к себе; прикрыв дверь, остановился перед небольшим, написанным маслом портретом, стоявшим на столе. Пожилая женщина с массивным лицом и аккуратно уложенными волосами смотрела прямо на него. Вадим знал этот старинный прием, когда достаточно изобразить зрачки строго по центру глазного яблока, и в какой бы точке комнаты ты не находился, взгляд будет направлен на тебя; правда, от этого знания жутковатый эффект не уменьшался. Придвинул кресло и уселся напротив портрета. Заполнявший комнату полумрак смазывал краски, приближая полотно к реальности. Вадим знал – если чуть прикрыть глаза, то за несколько минут напряжения покажется, будто женщина на портрете глубоко вздохнет.

– Добрый вечер, мама, – сказал он.

Сначала, вроде, шевельнулись ее губы, потом моргнули глаза и наконец разжав затекшие пальцы, она устроилась поудобнее в своем кресле, точно таком же, как у Вадима.

– Добрый вечер. Я думала, ты забыл обо мне.

– Я б с удовольствием забыл, но ты знаешь, что, к сожалению, это невозможно.

– Наверное, я не всегда бываю к тебе справедлива, но пойми меня – это ведь Костик оправдал мои надежды.

– А я, значит, не оправдал? – возмутился Вадим, – я соержу твоего Костика...

– В тебе говорит ревность, – перебила мать, – конечно, ведь Костик – человек творческий... кстати, как он? Что пишет?

– Понятия не имею! Его нет уже третьи сутки, а не тебе рассказывать, как он уходит в загул! Да без меня он с голода сохнет!.. – в голосе послышалась обида, как у ребенка, которому необходимо немедленно подтвердить, что он самый лучший, погладить по голове, но женщина смотрела с портрета равнодушно, как и прежде, – три года назад нарисовал сраный портрет и сразу «оправдал надежды»! Рембрандт хренов! А я...

– Тебе не нравится твоя работа? – Вадиму показалось, что портрет усмехнулся, – любой мужчина был бы счастлив работать в такой обстановке.

– Ладно, мам, опять все с начала, – Вадим махнул рукой. Подобный разговор возник не впервые, и всякий раз мать упрямо защищала Костю, не желая признавать заслуг стар-

шего сына; ни прошлых, ни настоящих. Наверное, Вадим пытался выплеснуть на портрет свои копившиеся с детства обиды, потому и держал его в своей комнате; ему казалось, что нынешняя солидная жизнь должна доказать матери, насколько он выше безалаберного брата. Она должна видеть это, пусть даже из своего небытия!.. Но ничего не получалось.

Взгляд женщины замер, а руки спокойно улеглись на коленях. Вадим открыл глаза (или все произошло в обратном порядке?..), поднялся с кресла и вдруг почувствовал усталость. С работы он всегда возвращался более бодрым, но, видимо, один вид матери вносил состояние дискомфорта. *...Ничего, все равно я отомщу ей – я буду ежедневно, ежечасно повторять дурацкому портрету, кто здесь главный, а Костя в этой жизни – никто!.. Повторять до тех пор, пока не смогу убедить... кого?.. Не кусок холста же... Скорее всего, самого себя...*

Глава третья

Подавленные ослепительно белым солнцем, люди изнывали от зноя; раскаленные автобусы ползли понуро, словно понимая, что никогда не вырвутся из этого ада; зато легковушки весело пыхтели у светофора, спеша сорваться с места и унести туда, где ветерок колышет пожухшую траву и морщит сверкающее зеркало реки. Какая прекрасная иллюзия, когда душная и липкая жара лишь дразнила эфемерной возможностью ночного дождя...

– Сколько времени? – Игорь нервно затянулся сигаретой.

– Без пятнадцати, – Иван взглянул на часы.

– И где этот козел?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Да нет, – Игорь усмехнулся, – вопрос риторический. Но за пятнадцать минут картины мы не успеем развесить.

– Не волнуйся, к пяти все равно никто не придет.

– Из отдела культуры могут и опоздать, но телевизионщики всегда являются вовремя.

– Вон! – Иван указал пальцем в сторону остановки, откуда рассекая толпу, спешившую виться в искусственную прохладу супермаркета, двигалась желтая рубашка.

– Мог бы одеться поприличнее, – недовольно пробормотал Игорь, – не каждый день открываешь свою выставку.

– Откуда у него приличное? – Иван рассмеялся весело, так как появление Кости снимало все проблемы.

– Скажите, а сегодня тут что? Говорят, открытие выставки? – хозяин желтой рубашки – худощавый, с собранными в «хвост» волосами, остановился, не совсем трезво покачиваясь и глядя на собратов по творчеству с бесхитростной улыбкой.

– Кость, – Иван посмотрел на него укоризненно, – после открытия будет фуршет. Неужели трудно подождать? Ты ж опять упадешь, а я больше таскать тебя не буду.

– Почему? – Костя удивленно моргнул, – я худой и легкий. А то, что эти, власть имущие, увидят... мне-то какое дело? Главное, не то, как я выгляжу, а то, как пишу.

– С тобой бесполезно разговаривать. Пошли, развесим работы, – Игорь выбросил окурочек и открыл массивную коричневую дверь, ведущую в царство сумрака и прохлады.

Свет в холле не горел, поэтому множество полотен, занимавших стены от пола до самого потолка, казались одним мрачноватым пятном; и это было правильно – здесь размещалась постоянная выставка-продажа, которая б только отвлекала от главного; от того, что находилось дальше – в просторном светлом зале с колоннами, куда вела гостеприимно запахнутая стеклянная дверь. Там открывался мир фантастических цветосочетаний и причудливых орнаментов, по прихоти авторов, зачем-то получивших совершенно конкретные названия. Например, «Война миров», хотя с таким же успехом картину можно было б окрестить «Дружба народов».

– Эффектно, – произнес Костя, останавливаясь на пороге, – могли б и мои развесить – у вас классно получается.

– Откуда мы знаем твоё видение экспозиции?

– Какое, к чёрту, видение? В рядок, все в рядок...

Костя наклонился к стопе холстов, лежавших в углу. Подняв верхний, он не глядя направился к свободной стене с торчащими из нее аккуратными крюками; приладил картину, очень приблизительно выровняв вертикаль, и отошел.

– Пусть здесь у нас будет «Ночной город».

По черному фону, местами переходившему в темно-лиловый, тянулись вереницы смазанных огоньков, подразумевавших отражавшийся в воде мост; кое-где возникали сполохи авто-

мобильных фар, и все. В сравнении с буйством красок, струившимся с других стен, картина выглядела входом в пещеру, загадочную и непредсказуемую.

– Все-таки у Константина интересные работы, – произнес Иван шепотом, наклоняясь к Игорю.

– Ну да, – согласился тот нехотя, – есть, типа, колорит.

По мере того, как стена заполнялась, вход в мрачный мир делался все шире. Темное пространство расползлось, вытесняя свет со своей территории, и лишь странные цветковые иллюзии, замершие в затейливых пятнах и линиях, говорили, что в темноте все-таки существует жизнь, правда, невидимая и непонятная.

– Вот, и все дела, – Костя стоял на самом верху шаткой лестницы, – а вы переживали. Материли, небось, меня... – он пристроил на крюк последнюю картину и быстро спустившись, вытер пот, – нет, нельзя с похмелья так лазить.

– До тебя только дошло?... – Игорь обернулся, вдруг услышав возглас Ивана, то ли удивленный, то ли восторженный.

– С ума сойти!.. Это чего за вещь?

– Недавно закончил, – ответил Костя скромно, – ничего, да?

С черного прямоугольника смотрели два огня; именно смотрели, но даже не это завораживало – в черноте проступало нечто еще более черное. Оно не имело конкретных очертаний, но почему-то сразу ясно представлялось лицо. Иван никак не мог найти ракурс, чтоб разглядеть, делая шаг, то вправо, то влево, периодически склоняя голову и наконец выдал резюме:

– Не понимаю, как ты этого добился.

– Чего? – удивился Костя.

– Лицо... оно, вроде, меняет выражение...

– Да нет там никакого лица. Это называется «Взгляд»!

– А ты видишь лицо? – Иван повернулся к Игорю.

– Ну да... – голос Игоря звучал неуверенно, поэтому никто не понял, то ли он его действительно видел, то ли не хотел признаться, что способен усмотреть меньше коллеги.

– Мужики, – Костя рассмеялся, – ну, не настолько я гениален, чтоб мои полотна оживали. Это всего-навсего пьяные глюки. Однажды ночью просыпаюсь в холодном поту; руки трясутся; страх... знаете, будто ни над тобой, ни под тобой ничего нет, а сердце сжимается, и биться ему уже негде. Бывает такое, когда алкоголь начинает окончательно замещать кровь в организме, – Костя мотнул головой, – жуткое состояние. Обычно я из него потом три дня выхожу, но пока, слава богу, без капельницы, а в ту ночь чувствую, что если не сяду за работу, то просто сдохну. И начал писать. Я не знал, что получится. Тогда мне надо было просто водить кистью по холсту, чтоб каким-то образом мобилизовать сознание. Про взгляд, это я потом придумал, по трезвянке.

– А можно поближе взглянуть? – попросил Иван.

– Можно, – Костя поднял задумчивый взгляд почти к потолку, – но после выставки. Думаешь, я сейчас обратно полезу? И так, чуть не навернулся – координация-то не восстановилась...

За спиной послышались голоса. Художники резко обернулись, словно застигнутые за чем-то предосудительным, но к ним всего лишь двигались ничего не подозревавшие веселые люди; причем, один из них нес на плече телекамеру, а это означало, что творческие споры пора прекращать и переходить к официальной части. С одной стороны, это всегда являлось самым ответственным, и поэтому неприятным моментом, но, с другой, без этого вся затея с выставкой элементарно теряла смысл.

Поправив галстук, Игорь направился к высокому представительному мужчине с темными усами, от которого, как от начальника городского отдела культуры, в дальнейшем могло зависеть очень многое.

Глава четвёртая

Аревик давно разлюбила смотреть в окно, потому что через него не было видно, ни неба, ни деревьев, а лишь стенки неглубокого бетонного колодца, закрытого решеткой, в котором прятались облезлые дворовые кошки: летом – от жары, а зимой – от колючего ветра. Еще, если задраить голову вверх, в поле зрения могли возникнуть чьи-нибудь ноги, но они тут же исчезали, унося своих владельцев дальше, по одним им известным, наверное, интересным делам. Ноги мелькали всего несколько секунд, зато кошки взирали на нее постоянно ничего не выражающими, будто искусственными глазами.

Как правило, Аревик даже не отдергивала шторы, замыкая пространство комнаты в мертвленном люминесцентном свете, разглядывая, либо старый шкаф с застекленными дверцами, в котором хранилась документация ЖЭУ-24, либо опускала глаза к столу и тогда сталкивалась со страстным взглядом Антонио Бандероса. Но Бандерос был отделен от нее толстым стеклом, и Аревик никак не могла до него добраться, как, впрочем, и до медведей, встречавших утро в сосновом бору, и до русалочки, скучавшей на камне возле далекого города Копенгаген (она уже не помнила, откуда взялась у нее такая экзотическая открытка).

Однако время, когда можно бесцельно блуждать взглядом по этой изрядно надоевшей обстановке, наступало лишь ближе к обеду – с утра же, каждый день Аревик не переставала удивляться, насколько часто ломаются у людей унитазы, «вылетают» пробки на щитках и текут трубы. Как они, вообще, умудряются жить в таких экстремальных условиях? У нее почему-то, слава богу, ничего не ломалось, тьфу-тьфу-тьфу...

Аревик посмотрела на часы, висевшие напротив. Они спешили ровно на четыре минуты, но что такое четыре минуты, если за дверью уже слышались недовольные голоса, сообщавшие (пока лишь друг другу) о своих бытовых проблемах? Четыре минуты, и поток недовольства выплеснется на нее. И что она может ему противопоставить? «Гвардию» из четырех сантехников (один из которых, законченный алкоголик) и двух электриков?.. Хотя даже не так, ведь распоряжаться персоналом – это вне ее компетенции; для этого есть Анатолий Борисович, занимавший большой кабинет в другом конце коридора. На своем уровне он был почти всеислен и мог запросто сказать: – Этой склочнице делать не будем – пусть посидит недельку без воды, пока не поумнеет. Но он ведь не видел глаз «склочницы» и не знал, что у нее маленький ребенок, которого надо купать ежедневно. Конечно, дело, именно, в этом – а так, Анатолий Борисович очень даже симпатичный, и жены у него нет. Только кому от этого легче?..

Дверь приоткрылась и в нее просунулась седая голова.

– Уже девять. Работать пора, девушка.

– Входите, – Аревик раскрыла журнал регистрации заявок.

Мужчина возник целиком – такой официальный, в костюме с галстуком, словно пришел не в ЖЭУ, а на какой-нибудь прием; только глазки у него были язвительные, и нижняя губа чуть подрагивала от недовольства.

...*Точно, сортир засорился*, – решила Аревик, – *дерьмо из него так и лезет...*

– У меня унитаз течет! – сообщил мужчина гневно, – я вам звонил; мне обещали, но никто не идет. Это безобразие!

Аревик внутренне улыбнулась своей профессиональной интуиции, но на посетителя взглянула строго, причем, вовсе не потому, что не хотела войти в его положение. Будь ее воля, она б им всем поставила золотые унитазы...

– Мужчина, не шумите, – сказала она, – вас тут, вон, сколько, а слесарей у нас всего четверо. Ваш адрес?

Мужчина назвал. Аревик вспомнила, что, действительно, кто-то звонил несколько дней назад, но тогда она не расслышала номер квартиры, а переспросить не успела.

За тонкой фанерной перегородкой что-то упало, и послышался залихватский мат – так мог ругаться только Виталик. Даже Анатолий Борисович не раз объяснял ему, что рядом все-таки работает женщина, но тот лишь делал удивленное лицо, видимо, не понимая, как еще можно выражать свои мысли. Аревик уже привыкла к крепким выражениям и не только не обращала на них внимания, но иногда даже ловила себя на том, что порой не прочь и сама послать кого-нибудь.

– Виталька! Твою мать, где мои ключи?! Ты вчера тут порядок наводил!.. – это был уже голос Володи. Вечно у него все терялось, но Аревик почему-то казалось, что ему просто не хочется идти на вызов. Володя заочно учился на менеджера и поэтому «ковыряться в дерьме» являлось для него занятием унижительным, но временно необходимым. Так он сам говорил, а Аревик считала, что с его взглядами на жизнь, даже получив диплом, он все равно будет продолжать ковыряться в дерьме.

– Вон лежат, блин, за сваркой! Совсем ослеп?

Опять что-то захохотало – похоже, кто-то копался в сгонах, кучей сваленных в углу.

– Кстати, сварка сегодня никому не нужна? – спросил Валерий Сергеевич, пожилой и наиболее рассудительный из всех. У него имелась жена и двое детей, поэтому без дополнительной платы он за работу не брался, зато и делал все на совесть, не в пример молодым.

– А хрен его знает, Сергеич, – небрежно бросил Виталик, – это, смотря, что чеченка нам сегодня нарисует.

– Не чеченка она, а армянка, – в очередной раз поправил Сергеич, – кстати, Аревик по-армянски – «солнышко».

– Хрен с ним, с солнышком – все равно чеченка...

– Сергеич, откуда ты все знаешь? – удивился Володя.

– Я, между прочим, жизнь прожил, – ответил тот назидательно, – и не всегда в подвале сидел. При социализме я на заводе наладчиком работал – куда только судьба не заносила.

– Во, отрывался, небось! – громко захохотал Виталик, – бабы в командировках халявные... слушай, а чеченок трахал?

Аревик бесило, когда ее называли чеченкой, и не потому что она плохо относилась к этой нации – просто в последнее время подобное сравнение воспринималось как оскорбление, хотя, чем основная масса чеченцев хуже основной массы тех же русских, она не понимала. Но еще больше ее возмущало мерзкое слово «трахать». Разве можно так говорить об отношениях мужчины и женщины? Когда-то давно она даже съездила Виталику по физиономии, но потом привыкла.

– Бывало, и «чеченок», – Сергеич усмехнулся (Аревик, вроде, даже видела его хитрое лицо).

– Ты – гигант, – протянул Володя задумчиво.

– Но они ж, небось, не все такие уроды, как наша, а, Сергеич? – заинтересовался Виталик.

Кровь бросилась Аревик в лицо. Хорошо еще, что перед ней уже стоял не тот разгневанный мужчина, а бабулька, у которой срезали электрический счетчик. Она была настолько ветхой, что, пожалуй, и не слышала разговора, иначе...

– Вот, как думаешь, нашу-то кто-нибудь трахает, страшную такую? – продолжил мысль Виталик.

Аревик почувствовала, что вместе с алой краской к глазам поднимаются слезы. Ну да, она и сама знает, что не красавица. Особенно, это родимое пятно, занимавшее половину щеки; и от «кавказского» носа, конечно, никуда не денешься, зато какие у нее огромные черные глаза! А, вот, пятно... Ведь когда она родилась, его не было, а потом почему-то проявилось, становясь все ярче, пока не обрело ужасный бордовый цвет. Если б не оно, она б, наверное, вышла замуж, ведь когда мужчины видят ее сзади, многие пытаются познакомиться, но стоит ей обернуться...

Это было какое-то проклятие, только Аревик никак не могла понять, за что оно ей досталось. Может, за мать, которая родила ее от армянина, торговавшего мандаринами на рынке? (Он прожил в городе год и наградив дочь несуразным именем, скрылся в свой Ереван, ставший теперь и вовсе за границей). Вряд ли. Мать сама поплатилась, скончавшись в сорок с небольшим, перебрав «паленой» водки. А что сама Аревик могла сделать в жизни не так?..

– Дочка, – старческий голос оторвал ее от вечной неразрешимой задачи, – у меня всегда света нагорало на двадцать рублей, а без счетчика принесли, так получилось, сто семьдесят. У меня пенсия-то всего...

– Бабушка, я все поняла, – сказала Аревик, как можно мягче, – я записала. Завтра придет электрик и поставит новый счетчик.

– Спасибо, дочка. Дай тебе бог...

Старушка вышла, и вместо очередного посетителя вошел Анатолий Борисович.

– И что у нас сегодня? – он присел на свободный стул, – пора этих оболтусов разгонять, а то сейчас за бутылкой побегут. До чего они мне все надоели!

– Вот, – Аревик повернула журнал.

Еще полчаса и ее мучения закончатся – слесаря уйдут; в конторе станет тихо и можно будет не спеша перелистывать папки, выискивая квартиры, в которых подошло время планового ремонта, параллельно изучая мишек под стеклом.

– Хорошо, Вика, – начальник склонился к столу. Он, как и большинство знакомых, называл ее Викой – то ли им не нравилось странное армянское имя, то ли просто не могли его запомнить, но это ее совсем не обижало. Не то, что «чеченка».

– Бабуля счетчик очень просила, – сказала Аревик робко.

– На следующей неделе. Все электрики на аварии.

Аревик вздохнула, зная, что объяснять что-либо, бесполезно. Ее мнение не играло абсолютно никакой роли, а ведь так хотелось, чтоб всем было хорошо, даже этому ужасному Виталию. Может, если б жизнь его изменилась, он перестал быть таким грубым и бессердечным; тогда и у нее самой все будет... что все? Чего ей не хватает? Комната у нее есть (пусть ведомственная, принадлежащая ЖЭУ, но ведь она не собирается отсюда увольняться); есть зарплата (Аревик привыкла планировать расходы так, чтоб ее хватило на месяц). Главное, чтоб исчезло это уродливое пятно! Тогда, может быть...

– Занимайся текущими ремонтами, – резко оборвал ее мысли Анатолий Борисович и вышел, прихватив журнал, а еще через минуту по коридору прогрехотали нестройные шаги – значит, слесаря направились в кабинет, получать задание на день. По устоявшемуся графику Аревик знала, что минут через пятнадцать можно выйти покурить на свежем воздухе, а пока вернулась за стол. Взяла папку, на которой остановилась вчера.

...Столько квартир!.. И в каждой живут люди. Интересно, как они живут, все такие разные?.. Вот бы побыть хоть по минутке каждым из них, почувствовать себя другим – и думать по-другому, и делать по-другому; испытывать другие желания и другие ощущения... – она вздохнула. Нет, ничего у нее никогда не изменится – остается сидеть в своем подвале, со своим пятном и тоскливо считать бесцельно проходящие годы.

Задумчиво сдвинула папку, и взгляд уперся в русалочку. *...А у нее, вместо пятна, хвост, и она также сидит, ожидая неизвестно чего... надо работать и все эти ненужные мысли рассеются. Людям надо делать ремонт, а я занимаюсь, черти чем...* – она снова придвинула папку.

Словно очередная жизненная веха, подошло время обеда. Два бутерброда, коробочка кефира и сигарета ознаменовали переход к новому этапу, который закончится ровно в шесть. Следующей вехой станет поход через двор домой, а дальше два сериала – сначала по второму каналу, потом, по первому (других ее антенна не принимала, а кабельное телевидение не вписывалось в бюджет); потом ужин и сон.

Последнее являлось самым красочным и интересным из всего, происходившего за день. Она даже купила сонник, но никак не могла соединить воедино объясняемую там символику, а, тем более, применить ее к себе. Например, недавно она видела вечеринку – лужайка вокруг роскошной виллы; фонарики, озорно выглядывающие из листвы; чопорные люди во фраках (наверное, их она подсмотрела в каком-то фильме). Сама она там тоже присутствовала, и в этом не было бы ничего удивительного, если бы не одна деталь – впервые во сне она ощутила запах, который теперь периодически возникал в реальной жизни, а не исчез, как исчезали впечатления всех прочих снов. Стоило Аревик захотеть вспомнить его, как запах появлялся тут же, причем, не важно, где она в этот момент находилась – он мог исходить даже из мусорного контейнера, хотя во сне так пахли духи, подаренные незнакомым мужчиной. Смеясь, Аревик брызгала из флакончика на себя, потом зачем-то на мужчину и чувствовала, как они оба поднимаются над лужайкой, кружась в странном танце. Она так увлеклась, что флакончик выпал из рук и разбился – сразу оборвалась музыка, и они оба устремились вниз, но не на землю, а куда-то дальше, в окутанную тьмой бесконечную пропасть. До дна Аревик так и не долетела, потому что проснулась. Вместе с этим из памяти стерлось лицо мужчины, чарующая мелодия танца, даже облик самой виллы она не могла бы восстановить, а запах остался.

В соннике растолковывалось, что аромат духов предвещает любовное приключение; получать духи от мужчины – это рискованная связь, а разбитый флакон говорит, что мечтам не суждено сбыться. Какая связь? Какие мечты?.. Похоже, это написано для девочек, которым нечем занять свою глупую головку в перерывах между алгеброй и геометрией...

Или, вот, еще – за окном светит солнце, и тишина, какая бывает в полуденный зной, когда даже природе лень шевелиться, но одновременно – там же, за окном, бушует ураган, круша дома, разбрасывая столбы вдоль дорог и ломая огромные деревья. Неожиданно с неба вываливается лестница, похожая на трап самолета; по ней спускается Некто в белых одеждах, только вокруг него почему-то ночь с месяцем и звездами. С каждым шагом незнакомца ночь ширится, смещая границы света и тьмы, причем, они совсем не такие, как в жизни, где сначала всегда должны наступать сумерки. Аревик помнила, что тогда ее охватил ужас. Она замерла, не смея пошевелиться, полностью подчинившись неведомой силе, и вдруг услышала за правым плечом голос, умолявший не смотреть в глаза незнакомцу. Однако она взглянула... и проснулась.

Дурацкий сонник объяснял, что окно – это грань между желанием и действительностью; ураган олицетворяет тревогу, потери и испытания, а голос за правым плечом принадлежит, якобы, ангелу-хранителю. Только незнакомец, несущий ночь, не имел трактовок, а ведь он, наверное, был самым главным.

И как можно связать подобный бред, тем более, учитывая ее образ жизни? Никак. Так стоит ли забивать голову ерундой?.. А чем ее забивать? Нельзя же только переписывать адреса чужих квартир и переживать за телевизионных Лукаса и Жади, которые уже полгода не могут выяснить, любят ли они друг друга?..

...*Кстати, об адресах...* – Аревик вновь попыталась углубиться в содержимое папки, но взгляд почему-то прыгал с одной строчки на другую, и она чуть не запланировала ремонт в почти новой квартире. Пришлось закрыть папку. В конце концов, никто не устанавливал ей никаких сроков – это ежедневная, рутинная работа и совершенно неважно, обработает она сегодня на одну папку больше или меньше. Аревик подняла глаза и непроизвольно уперлась взглядом в блестящий циферблат.

...*Еще полчаса...* Неожиданно она ощутила, что в подвале очень душно, что блузка липнет к телу и на лбу выступает испарина. Посмотрев на свои руки, обнаружила, что пальцы подрагивают; попыталась напрячься, но от этого дрожь только усилилась. ...*Мне надо на воздух*, – Аревик поднялась из-за стола; взяла сумку, заперла комнату, прошла по пустому коридору, многократно усиливавшему стук каблучков.

– Анатолий Борисович, можно я пойду домой?

Тот взглянул на часы и махнул рукой.

– Иди. Все равно сегодня пятница.

– Спасибо, – Аревик аккуратно прикрыла дверь. Огляделась, будто уходила не на два выходных дня, а навсегда. Как здесь все знакомо и мило! Стенд по технике безопасности, график дежурств слесарей... но как душно!.. Привычно поднявшись на шесть ступенек, она открыла дверь. Жаркая волна окатила ее, и сразу оказалось, что у нее ужасно холодные руки; по телу пробежали мурашки, как при погружении в горячую ванну. Аревик сделала несколько шагов и остановилась.

Над головой шелестели деревья. За гаражами визжали дети, уже обалдевшие от бесконечно длинных каникул; два парня у соседнего подъезда пили пиво, пока третий безуспешно пытался дозвониться по мобильному телефону. Все здесь было не так, как в ее «склепе» с неумолимыми правилами ТБ на облупившейся стене – Аревик только сейчас поняла это. Нет, домой она не пойдет – она будет просто гулять; пойдет, куда глаза глядят, и не станет ни о чём думать.

Солнце висело еще достаточно высоко, поэтому, как и большинство прохожих, она выбрала теньевую сторону. Глядя на «чистые», и потому симпатичные лица, Аревик думала, за какие же грехи судьба уготовила ей такое уродство, что даже в зеркало лучше смотреться лишь при крайней необходимости? Разумного объяснения не находилось. К тому же она привыкла быть безликой тенью, сквозь которую взрослые смотрят, как сквозь пустое место, а дети, существа более восприимчивые, показывают пальцем, громко восклицая: – Мам, смотри, какая страшная тетя! Мамы при этом краснели, били детей по рукам, но даже не думая извиниться, шли дальше. Она привыкла, что мужчины могли запросто толкнуть ее плечом, и это являлось не поводом для знакомства, а, скорее, нарушенная координация нетрезвых движений заставляла наткаться на препятствия. Она привыкла ко всему и жила практически в крохотном треугольнике, вершинами которого являлись – работа, дом и магазин, располагавшийся совсем рядом.

Но сегодня происходило нечто особенное – ей стало душно во всем этом, захотелось воздуха. Но не будет же она, как маленькая девочка, гулять по двору возле качелей? И не будет сидеть с бабками у подъезда. Если до нее никому нет дела, то почему она должна чего-то стесняться или бояться? Она – тень и живет своей собственной, недоступной никому жизнью. Может быть, даже здорово, быть такой независимой! Может, все эти красавцы и красавицы только и мечтают сделаться такими же незаметными и не думать, как их воспринимают окружающие... хотя вряд ли – им, наверное, нравится их состояние. А ей должно нравиться ее, потому что такой создал ее Бог и избавиться от этого невозможно, как невозможно начать жизнь заново!

Нельзя сказать, что благодаря подобной «убийственной» логике Аревик почувствовала себя уверенней, но плечи ее незаметно распрямились, а шаги стали быстрее, вроде, она определила для себя некую цель.

Незаметно дошла до площади и остановилась, поняв, что цель ее не выразима, ни мыслями, ни словами. Дальше Аревик шла медленно, с интересом разглядывая витрины. Невольно подумалось, сколько же всяких красивых вещей существует на свете, а люди все придумывают и придумывают новые, постоянно «обновляя коллекции». Зачем? Неужели кто-то будет каждый год менять украшения или, например, те же часы?.. Ей, вот, хватает старенькой «Зари», подаренной еще на совершеннолетие, а тут... только в витрине их сотни и стоят они... она и денег таких никогда не держала в руках...

Хотя нет, держала. Когда заболела Раиса Николаевна, ей поручили выдавать зарплату всему ЖЭУ. Она помнила, как отсчитывала купюры из толстых пачек, но при этом в голову даже ни разу не пришла мысль о том, что можно сделать, если б все они принадлежали ей.

Действительно, а что б она сделала? Уж новые часы, точно, не стала бы покупать. А что? Аревик растерялась и ничего не могла придумать. Квартира? Но ей вполне хватает ее комнаты. Автомобиль? Чтоб кататься по двору, потому что ездить ей больше некуда? Да и куда его ставить? Уж ей-то хорошо известно, как трудно выбить место под гараж. Наряды? Одежда у нее тоже есть, ведь даже если иметь сто платьев, то невозможно носить их все. Вот, новые туфли... хотя она и так купит их со следующей зарплатой.

Аревик вздохнула. Оказывается, ее жизнь не так уж и плоха... или просто она приспособилась и не хочет замечать ничего другого? Так это и хорошо, чтоб не мучиться и не кусать локти от зависти!

Надо всем первым этажом очередного дома красовались огромные золотые буквы – «Стоматология». Подобное учреждение ей никогда не приходилось посещать – зубы у нее ровные и белые, до сих пор не знающие, как выглядит бормашина. Вообще, у нее замечательная улыбка, если б еще не гнусное пятно... Вот, на что она б потратила все деньги – на пластическую операцию!..

Аревик представила, что пятно исчезло... и испугалась. Это ж означало б совсем другую жизнь и совсем другие отношения, к которым она просто не была готова. У нее, наверное, должны будут появиться подруги и мужчины, и что со всеми ними делать? Это в мечтах все протекает ровно, естественно и поэтому радостно, а в реальности? Вот, например... Она сфокусировала взгляд на трех парнях, куривших у раскрытой двери, прямо под вывеской «Галерея Антиква». ...*А что такое «Антиква»? Анти ква? Это против лягушек, что ли?..* – Аревик улыбнулась своей сообразительности.

Парни разговаривали довольно эмоционально. Двое в аккуратных белых рубашках и галстуках, похожие на манекены, что-то доказывали третьему, одетому в мятые брюки и небрежно расстегнутую желтую рубаху. Этот, третий, казался пьян, но не выглядел отталкивающе – он улыбался, и, главное, в нем отсутствовала, свойственная пьяным тупая агрессия.

Парни докурили и скрылись внутри, а Аревик отправилась дальше; миновала несколько совершенно ненужных ей магазинов и вдруг поняла, что дальше идти не хочет. Что ей там делать, если эта длинная улица вообще не имеет конца, а плавно перетекает в Московскую трассу? В Москве ей тоже нечего делать, поэтому Аревик зашла в незнакомый двор; усевшись на пустую скамейку, покурила и не придумав ничего интересного, повернула обратно. Вновь дойдя до галереи, она увидела, как туда входит многочисленная группа людей, причем, один нес на плече камеру с длинным объективом. ...*Интересно, что там происходит? Никогда не видела, как снимают телепередачи,* – не задумываясь над тем, как сможет объяснить свое появление, Аревик пристроилась в хвост, медленно исчезающий в двери, – *я ведь «тень», меня никто и не заметит...*

Полумрак холла, вроде, притупил зрение, сохранив на стенах лишь мутные цветные пятна, но толпа и не собиралась останавливаться в этом расплывчатом мире и проследовала дальше. Двигаясь вместе с ней, Аревик оказалась в зале, сплошь увешанном другими картинами, а в центре стояли трое парней, которых она совсем недавно видела у входа.

От того, что все сразу заулыбались, начали обниматься и жать друг другу руки, Аревик сделалось неловко. Получалось, она одна являлась здесь посторонней. Если б можно было мгновенно исчезнуть, она б, наверное, так и поступила, но повернуться и демонстративно уйти выглядело некрасиво, тем более, ее притягивала яркая магия красок. Все было непривычно красивым, несравнимым с плакатами, развешанными в родном ЖЭУ!.. Аревик заворожено оглядывала зал, даже не заметив, как рот ее приоткрылся от удивления – она ведь никогда не посещала художественных выставок.

Созерцание красоты прервало громкое покашливание, и высокий мужчина с пышными усами отделился от группы, держа микрофон. Оператор тут же присел, направив на него камеру.

– Сегодня мы открываем выставку трех самобытных художников...

Камера ползла по сбившимся в кучку зрителям. Чтоб не портить вид, Аревик отошла в сторону и отвернулась, рассматривая одно из полотен. Если издали своими яркими цветами оно создавало радостное настроение, то вблизи представляло собой лишь цепь раскрашенных кружочков и треугольников. Немного разочарованная, Аревик двинулась дальше, внимательно изучая следующее произведение.

– А это кто? – спросил Игорь, наклоняясь к Ивану.

– Без понятия. Небось, любительница какая-то.

– Блин, уродина, в натуре... любительница...

– А, по-моему, ничего, – присоединился к обсуждению Костя, – если б не фигня на морде, нормальная девка.

– Вкус у тебя... – фыркнул Игорь.

– Дурак ты, братец, – беззлобно усмехнулся Костя, – тебе что, нравятся «куклы Барби»? Лицо должно быть оригинальным и характерным...

Оратор прервал выступление, видя, что виновники торжества его не слушают. Пришлось замолчать, но как только он начал снова, Костя прошептал:

– Я, вот, напишу ее, и тогда посмотрим, то здесь урод.

Никто ему не ответил – оба коллеги старательно делали вид, что внимают хвалебным речам.

Кроме начальника управления культуры, никто выступать не захотел. Группа, теснившаяся посреди зала, распалась. Тихонько переговариваясь, люди медленно двинулись вдоль стен, периодически замирая, склонив голову на бок... и шли дальше. Телевизионщики обходили зрителей, задавая один и тот же вопрос о впечатлениях. За колонной появились столики, и две девушки принялись носить откуда-то тарелки с бутербродами и бутылки с вином.

Аревик очень боялась, что корреспондент подойдет и к ней, поэтому осторожно направилась к выходу. Но не дошла – художник в желтой рубашке, направлявшийся, было, к накрытым столам, вдруг резко изменил направление.

– Извините, – он тронул ее за плечо, – вы здесь единственный нормальный зритель и уже уходите?

– А они ненормальные? – Аревик взглядом показала в зал.

– Они ненормальные, потому что они на работе. Быть здесь, их обязанность, а вы ведь ничья?

– Ничья, – Аревик опешила от такой формулировки.

– Вот. Я и говорю – единственный нормальный зритель. Не уходите. Пойдемте лучше выпьем за открытие.

– Да нет...

– Что значит, нет? Пришли смотреть мои картины и не хотите со мной выпить? – он взял Аревик за руку, и той ничего не оставалось, как подчиниться. Не могла ж она начать вырываться? Тогда, точно, телекамера повернется к ней, – меня зовут Костя, – представился художник, – а вас?

– Аревик.

– Какое красивое имя. А-ре-вик, – повторил он по слогам.

– Но все зовут Викой.

– Дебилы. Вика... тьфу! Какое убожество!..

Они подошли к столам, и Костя с трудом отделил от высокой белой башни пару пластиковых стаканчиков.

– Кость, ты уже начинаешь? – укоризненно спросила одна из девушек, ставя очередную аппетитно наполненную тарелку.

– А что тут еще делать? Комментировать дебилам то, что я создал? Я для них не работаю – пусть сами смотрят. Я отдыхаю.

– Неужто тебе не интересно, что они говорят?

– Абсолютно! Даже если они хором скажут, что все мои работы – дерьмо собачье, я, как писал, так и буду писать!

Девушка пожала плечами, а Костя повернулся к Аревик.

– Понимаешь, в чем тут разница? Они выставляются для того, чтоб вступить в Союз художников, а я, потому что моим работам тесно наедине со мной – они просят к людям. *Они просят*, а что думают по их поводу люди, мне сугубо фиолетово, – он наполнил стаканы, – начнем с винца, а водочка потом, когда начальство уйдет.

Аревик неуверенно взяла полный стакан. Не то, чтоб она не пила совсем, но просто не любила это занятие – оно не добавляло ей веселья, а рождало лишь тяжесть в желудке, головокружение, а к ночи виски обычно, будто стягивало обручем – наверное, дело было в давлении, но сейчас она не могла отказаться.

– А какие картины ваши? – спросила она, беря бутерброд.

– Угадай, – Костя засмеялся, – даже интересно, отвечает ли внешность автора его работам, то есть его внутреннему миру.

Аревик обвела взглядом стены. В принципе, ей нравилось все – она привыкла восхищаться тем, чего не умела сама, а поскольку, по большому счету, не умела ничего...

– Даже не знаю...

– Ладно, выпьем, потом скажу, – Костя бесшумно чокнулся пластиком о пластик и жадно, большими глотками осушил стакан. Занюхал, поднеся к носу кулак, и достал сигарету. Аревик же отпила несколько глотков и принялась за бутерброд.

– Это бастурма? – спросила она, откусывая твердое, пряное мясо. Ей давно хотелось попробовать что-нибудь, сообразное ее национальности, но стоило это ужасно дорого.

– Слушай, не забивай голову – это просто закуска, – снова засмеялся Костя, – вон, мои картины, – он указал на темную стену за спиной Аревик, та обернулась и... погрузилась в ночь – показалось, что даже солнца в зале стало меньше, но насколько завораживали эти ночные видения!..

Взгляд ее, поднимаясь, скользил по стене, пока не столкнулся с чьими-то глазами – будто недобрый бог взирал сверху на вышедших из повиновения людишек. Это им, дуракам, кажется, что они умные и самостоятельные, а он-то знает, что может уничтожить их в любой момент.

– А, вон та, верхняя... – произнесла Аревик, не зная, как словами сформулировать свои ощущения.

– Это одна из свежих работ, – Костя смущенно потер щеку.

А народ, тем временем, тоже стал подтягиваться к столам. Костя переключился на мужчину, желавшего приобрести сразу несколько картин. Кто-то уже тянул к Аревик стакан, как к старой знакомой; кто-то спросил, нравятся ли ей картины Игоря Петропавловского, а она даже не знала, кто из них Игорь Петропавловский, и, вообще, присутствует ли он здесь, но все равно ей было хорошо. Ее не гнали и не шарахались от нее, а это самое главное.

Телевизионщики покинули выставку вслед за «начальником культуры», и вместе с ними ушла значительная часть публики. Осталось человек восемь, и тогда появилась водка. Аревик, правда, не стала ее пить, зато художники наливали полные стаканы, и в течение четверти часа обстановка изменилась. Исчезли галстуки; все принялись брататься, а разговор превратился в один общий, касавшийся всего на свете и ничего конкретно.

Аревик стало неинтересно. Она незаметно (как ей казалось) сделала шаг в сторону; потом еще один, отдаляясь от стола. Ее место тут же заняли, и она уже собиралась просто повернуться и направиться к выходу, но чья-то рука неожиданно стиснула ее локоть. Аревик подняла глаза. Свободной рукой Костя грозил ей, покачивая пальцем перед самым носом, и пьяно улыбался.

– Я пойду, – сказала Аревик, – спасибо за все.

– Тебя ждут муж и дети?

– Нет... – Аревик растерялась.

– А куда ты пойдешь?

– А здесь мне что делать?.. – Аревик даже не подумала, какой ответ надеется получить. Поскольку комплименты ей делали чрезвычайно редко, нарваться она могла, скорее всего, на грубость, но Костя, действительно, мыслил не так, как все.

– Здесь?.. – он обвел блуждающим взглядом зал и народ, веселившийся у стола, – здесь делать нечего, – он кивнул, – поэтому сейчас мы еще немного выпьем и пойдём отсюда вместе.

– Куда? – из личного опыта Аревик знала, что пьяным надо задавать только конкретные вопросы, потому что намеки и недомолвки до них не доходят – они начинают философствовать, собирая в кучу мировые проблемы, и это бывает хуже всего.

– Куда?.. А, в самом деле?.. Знаешь, вообще-то, я хочу написать твой портрет, – закончил Костя неожиданно.

Аревик могла предположить все, что угодно, только не это. На секунду представила, каким он может получиться. Как иллюстрация к фильму ужасов! Она не могла даже выразить словами, как оскорбилась такому предложению. Неужели он сам не понимает? Или, может, он специально издевается над ней?..

Она вырвала руку и быстро пошла через зал, но Костя обогнал ее и остановился, преградив дорогу.

– Послушай, – он явно пытался придать своему голосу твердость, – я все равно буду писать тебя, но зачем мне делать это по памяти? Через полчаса все уже разойдутся... – он держал ее за руки, и Аревик почувствовала, что сможет вырваться, только оттолкнув его. А как его оттолкнуть, если, в принципе, он не хотел ничего плохого? Любая женщина была бы рада, если б настоящий художник писал ее портрет. Любая, только не такая, как она! ...*Как ему объяснить, если он сам не понимает?!..* – и она решилась:

– Я – урод, понимаешь? – произнесла Аревик тихо, но уверенно, – неужели ты не видишь это своим художественным взглядом? Или ты напился так, что не замечаешь совсем ничего?..

– Ты еще не знаешь, как я могу напиться, – Костя растянул рот в идиотской улыбочке.

– Слава богу!

– И я напьюсь, если ты откажешься мне позировать!

Слово «позировать» мгновенно ассоциировалось с некой обнаженной особой, фривольно лежащей на постели. Аревик покраснела от возмущения. Конечно, в *их* среде это, может быть, и называется «позировать»...

Она вырвалась и побежала прочь. Уже в дверях оглянулась – кроме Кости никто не обратил внимания на произошедшую сцену, а он стоял посреди зала, чуть покачивая головой и провожая ее печальной улыбкой. На секунду ей захотелось вернуться. Она искала слова, которые забыла ему сказать... но он повернулся и опустив голову, побрел обратно к столу.

...*Значит, все правильно,* – Аревик выскользнула из зала.

Солнце уже скрылось за домами, но духота, оставленная им в наследство наступавшему вечеру, была ничуть не лучше. Аревик остановилась возле двери, решая, что делать дальше. Домой возвращаться не хотелось – последние впечатления казались настолько яркими, что никакой сериал не сможет затмить их. Тогда что – сидеть одной дома и мучиться?.. Нет, не такая она мазохистка! Она просто реально смотрит на вещи, именно поэтому и не надо рисовать ее портреты!..

Мысли сами собой крутились вокруг нового, непонятного мира, который она сама же решила покинуть. А зачем?.. Ведь рисуют и калек, и всяких больных, нищих... да и почему она обозвала себя уродом? Ведь кроме этого гнусного пятна, все у нее в порядке, а пятно можно как-нибудь скрыть...

...Как его скроешь?! Тогда надо убрать все лицо!..

Медленно приходя в себя и анализируя ситуацию, Аревик пришла к выводу, что ей абсолютно безразлично, в каком виде нарисует ее Костя, ведь на всех его полотнах царит ночь, и распознать там что-либо невозможно. *...Пусть делает, что хочет – важно, что он единственный мужчина, не шарахнувшийся от меня. А я такая дура!!.. Нет, я не дура. Он только художник, и, как человек, я его не интересую вовсе... Значит, надо ехать домой... И что я здесь стою, вроде, жду кого-то?.. Я даже знаю, кого... Вот, дойду до угла, и если он не появится, сразу поеду домой... Она медленно-медленно двинулась вперед. До угла было всего метров сто, и при желании, их можно преодолеть за несколько минут, но, если не спеша покурить, да с умным видом останавливаться у каждого ларька, можно убить те пресловутые полчаса... хотя разве не известно, во что выливаются «полчаса» в пьяных компаниях?..*

Уже возвращаясь обратно, Аревик увидела людей, выходящих из галереи. Узнать их она не могла, потому что не успела запомнить, но желтой рубашки среди них, точно, не оказалось. Подождав, пока компания усядется в маршрутку, Аревик подошла к двери. Внутри было тихо, а у двери стоял одинокий охранник.

– Извините, – Аревик ступила на порог, но дальше не пошла, – а Костя ушел?

– Все ушли.

– Такой, в желтой рубашке... я не видела его.

– Этот спит, вон, – охранник кивнул в сторону зала.

– Как спит? – не поверила Аревик, – прямо здесь?

– А, – охранник махнул рукой, – ему не привыкать – он постоянно, как нажрется, так и засыпает, то в мастерских, то, вообще, на улице. Всем уж надоело возиться с ним.

– Можно мне пройти?

– Зачем? Пусть спит.

– Ну, что ж он, так и будет?.. – Аревик показалось, что в этой фразе присутствует определенная логика, но охраннику она оказалась недоступна.

– Вы потащите его домой? – охранник искренно удивился.

– Да, – ответила Аревик, хотя еще секунду назад даже не думала об этом. Ей просто хотелось еще раз взглянуть на него и все. Честное слово!..

– Пожалуйста, – охранник пожал плечами, – вон, он.

Шаги в пустом высоком помещении звучали загадочно и зловеще, поэтому Аревик шла на цыпочках. Костя полулежал в откуда-то взявшемся кресле; ноги его были вытянуты, руки свесились до самого пола, голова запрокинута. Аревик решила, что он не спит, потому что губы шевелились; наклонилась, с трудом разбирая невнятное бормотание:

– Суки... бросили... это ж надо, все бросили...

– Не все, – Аревик коснулась его плеча.

Костя тяжело поднял веки. Взгляд его был совершенно пустым, и Аревик поняла, что он не узнает ее или, в крайнем случае, пытается вспомнить, но не может. Наконец, чувствуя тщетность всех попыток, он бессильно улыбнулся.

– Нет, все... – и снова закрыл глаза.

Аревик подумала, что не хочет уподобляться «всем» – не важно, что он привык так ночевать, ведь это происходило до нее. А теперь есть она! Подняла глаза на его картины. Как они не вязались с этим беспомощным существом, не способным не только творить, но даже здраво мыслить и самостоятельно передвигаться. *...Нет, сам он домой не доберется, а я не знаю, куда ему надо... а если б знала?.. Хотя столбик у меня есть. Я ж собиралась купить чего-нибудь на ужин, а поужинала здесь – значит, сэкономила. До меня возьмут рублей семьдесят, не больше, только дойдет ли он до машины?.. Это «до меня» возникло совершенно спонтанно, но, с другой стороны, куда еще она могла отвезти его?..*

– Нужен такой? – охранник стоял в дверях и ухмылялся.

– Нужен. Вызовите такси, пожалуйста.

– Баба с возу, кобыле легче, – он пожал плечами, – премного благодарен, а то прошлый раз замучился водить его в сортир.

– Ему было плохо? – по-деловому осведомилась Аревик.

– Ему-то было хорошо, но он бы разнес тут половину экспонатов, пока сам дошел.

...*Это не беда, – решила Аревик, – у меня ломать нечего...*

Грузить тело пришлось вместе с охранником не потому, что Костя оказался слишком тяжелым – просто его члены действовали отдельно друг от друга, не желая координироваться сознанием. Стоило, например, ему убрать руку с крыши машины, как тут же подкашивались ноги, а если, сообщая, его удавалось удержать в вертикальном положении, то падала голова, ударяясь о стойку. Сначала таксист даже отказался везти такого клиента, но трезвый и уверенный вид Аревик плюс целая «сотка» оказали свое действие.

...*Как хорошо, что я живу на первом этаже, — радостно подумала Аревик, когда машина тронулась. Ей даже стало казаться, что это устроено специально для облегчения задачи; и сто рублей она тоже взяла не случайно. Что ей стоило взять, например, пятьдесят? На кефир с булочкой бы хватало, а таксисту, точно, нет...*

Наконец машина остановилась.

– Вы поможете? – обратилась Аревик к водителю.

– Нет, барышня, – тот усмехнулся, – он, извините, блеванет, а мне еще всю ночь работать.

Спасибо, машину не загадил.

Аревик вздохнула. То, что в мыслях казалось простым и легким, на деле выглядело почти невыполнимым. А тут еще, как назло, соседи высыпали во двор. ...*Ну и пусть, — разозлилась Аревик, – в конце концов, они никогда даже не замечали, что я существую. Пусть теперь узнают!..*

– Костя, давай ножку... – просюсюкала она, как ребенку, и Костя с трудом поднял ногу, – умница. Теперь держись за меня, – она подлезла под его руку и кое-как выволокла наружу.

...*Стыд-то какой, – Аревик старалась не смотреть на оккупировавших скамейку бабок, – и зачем я с ним связалась? Мало алкашей я видела?.. – однако перед глазами возникла стена с картинками, – нет, не все алкаши одинаковы. Может, я сама и виновата. Неизвестно, правда, в чём (это как с проклятым пятном), но наверняка виновата сама...*

Открыв дверь и не дав при этом Косте упасть, она втащила его в квартиру. Помогла опуститься на диван, а не на пол в прихожей; подсунула под голову подушку; поправила ноги и отдышавшись, уселась рядом на стул. Впервые в ее комнате спал мужчина. Какая разница, в каком он состоянии, и как он отнесется к ней, когда проснется? Главное, он здесь. Может, где-то в ее снах и кроются куски правды?..

...*Нет, не в этом дело. Я просто не могла бросить человека и все...* – Аревик включила телевизор, максимально убрав громкость, и отвернулась к экрану, чтоб не видеть лежащего на диване тела.

...*Как классно, что теперь телеканалы работают круглосуточно!..* Аревик посмотрела комедию, триллер, маленький концерт, новости, а когда началась еще одна комедия, небо стало голубеть, и во дворе захлопали дверцы автомобилей (это были дачники, встававшие ни свет, ни заря, чтоб не провести половину выходных в пробках). ...*Ну и что дальше?* – подумала Аревик, – *вот, и прошла ночь. Ночь с мужчиной... как интригующе звучит, – повернувшись к Косте, она увидела, что глаза его открыты, и он удивленно осматривает комнату. И вот тут Аревик испугалась. Сейчас перед ней находилось не тело, которое можно кантовать, как угодно, за которое можно думать и даже говорить, а пусть не вполне трезвый, но человек. И что этот человек ей сейчас скажет?..*

Она не решилась подойти, а лишь развернулась на стуле и уставилась на него своими огромными черными глазами.

– У тебя красивое имя, – с трудом произнес Костя, – только я не могу его вспомнить.
– Аревик.

– Да, Аревик. Правильно. А где я?

– У меня дома. Ты... (она не стала употреблять слово «бросили») остался в галерее, но там же плохо.

Костя вдруг протянул руку. Что он хотел изобразить этим жестом, неизвестно, но Аревик вложила в нее свою ладонь. Костя чуть сжал пальцы и улыбнулся.

– Почему ты это сделала?

– Я не знаю.

– Скоты... никому я не нужен... а тебе я нужен? – он приподнял голову, – только честно.

– Нужен, – Аревик зажмурилась, ожидая гомерического хохота, который хуже самой сильной оплеухи, но в ответ услышала только вздох.

– Я знаю, что я сделаю, – Костя тяжело сел и только теперь обратил внимание, что кроме дивана, в комнате нет «лежачих» мест, – ты что, не спала из-за меня всю ночь?

– Я смотрела телевизор.

– Сумасшедшая, – Костя потер виски, – пива у тебя нет?

– Нет.

– Может, сходишь? Тут что-нибудь работает в такую рань?

– Работает, но там все дорого.

Костя еще раз осмотрел комнату.

– Ты бедно живешь, да?

– Не жалуюсь, – Аревик пожала плечами, – квартира, видишь, есть; с голода не умираю.

– Ты везла меня на такси?

– Почему ты так решил?

– Не в маршрутке же? Кто меня туда пустит? – он полез в карман и достал несколько смятых бумажек по пятьсот рублей. Разгладил две из них и подал Аревик, – компенсирую твои расходы, и сходи, пожалуйста, за пивом.

– Хорошо, – Аревик встала, – тебе телевизор оставить?

– Не надо. Дай мне лучше бумагу и карандаш.

Аревик вспомнила, что на прошлой неделе принесла с работы целую пачку бумаги. Тогда она не знала, для чего это сделала, а вот, оказывается, для чего! Она уже не могла сообразить, что происходит случайно, а в чем, при желании, можно проследить определенную закономерность. (...*Какая закономерность?.. Я все придумала!..*). Чтоб не выявить ненароком еще каких-нибудь совпадений, Аревик поспешно выложила на стол бумагу с «огрызком» карандаша и вышла.

Купить пива в пять утра не составляло труда, тем более, магазин находился всего в трехстах метрах. Аревик показалось, что обернулась она за несколько минут, не успев даже до конца обдумать, к какой категории отнести свое новое знакомство, но когда вернулась, даже ее робкие предположения рухнули, потому что Костя выглядел совершенно другим человеком. Он сосредоточенно сидел на кухне, куря уже не первую сигарету (окурки предыдущих образовали в тарелке весьма непривлекательный натюрморт); рука с карандашом уверенно двигалась по бумаге, пачка которой оказалась разделена на две части – толстую, откуда он брал листы, и тонкую, куда складывал использованные. Услышав шаги, он поднял голову, «выстрелив» в Аревик взглядом.

– Принесла?

– Да, – Аревик остановилась, не зная, как вести себя в изменившейся обстановке, и послушно протянула банку. Не разбираясь в пиве, она купила те, что стояли в витрине крайними, но Костя даже не взглянул на марку.

– Сядь, – он сделал большой глоток, – начинаю ощущать себя человеком... – и снова замолчал, не сказав даже «спасибо».

Аревик опустилась на табурет возле окна и растерянно наблюдала за его рукой, действовавшей, будто отдельно от всего остального. Иногда он поднимал голову, чтоб отдать четкие приказы, типа: – Чуть поверни голову... так, теперь посмотри в угол... теперь на меня. Она, привыкшая подчиняться, вдруг забыла, как противилась тому, чтоб ее рисовали. Оказывается, в этом нет ничего страшного, то есть, нет ничего *такого*, о чём она подумала вчера в галерее. Он действительно рисовал, и ей безумно захотелось узнать, что же в конечном итоге получится.

Правда, по ее мнению, не могло получиться ничего. На каждом листе появлялось всего несколько линий, и никакой картинки. Тогда он брал новый лист. Стопка использованной бумаги все росла. ...*Разве так рисуют картины?*..

– Можно посмотреть? – спросила она робко, думая, что вблизи линии, возможно, обретут реалистические формы.

– Нет!

Оба замолчали, и эта тягостная пауза, нарушаемая лишь бульканьем пива и шорохом карандаша, продолжалась не менее получаса. Аревик надоело сидеть в одной позе и словно почувствовав это, Костя отложил карандаш.

– Все, – сказал он, вытряхивая в рот последние капли.

– И ты не покажешь мне? – Аревик отбросила со лба волосы, которые он заставил ее опустить на глаза тонкой прядью.

– В следующую субботу приходи в галерею, увидишь.

– Почему в галерею?

– Я добавлю ее к экспозиции.

Аревик представила, как все будут пялиться на ее лицо и ужасаться. Конечно, в его мрачные образы такой портрет впишется достойно, но зачем?..

– Я не хочу висеть там, – сказала она, – ты не имеешь права!

– Да? – Костин взгляд сделался насмешливым, – думаешь, Шишкин спрашивал у мишек, хотят ли они висеть в Третьяковке?

Аревик вспомнила открытку на своем рабочем столе.

– Значит, я для тебя, как медведь?..

– При чем здесь медведь? Не надо воспринимать все так буквально. Может, ты – Царевна-лебедь, как у Врубеля? Ты моя натура, понимаешь? Теперь ты принадлежишь мне, и я, что хочу, то с тобой и делаю. И висеть ты будешь там, где я скажу!

Аревик почувствовала, что готова расплакаться. Опять ее использовали самым бессовестным образом, а она-то отнеслась к нему со всей душой!.. Нет, плакать при нем она не будет. Для этого у нее есть еще целых два выходных.

– Уходи, – сказала она твердо.

– В принципе, пора, – Костя посмотрел на часы, – транспорт уже ходит, – он поднялся, – спасибо за все, и жду тебя в следующую субботу.

– Я не приду.

– Придешь, – Костя недобро усмехнулся, – пока.

Он погладил ее по голове как-то слишком ласково для того выражения, которое читалось на его лице. Дверь захлопнулась, и растерянная, ничего не понимающая Аревик осталась одна.

Глава пятая

Телефонный звонок застал Катю за мытьем посуды. Вообще, в их доме телефон напоминал о себе довольно редко, потому что Катин круг общения практически замыкался в пределах улицы, где дойти друг до друга проще, чем запоминать телефонный номер. А матери и звонить-то было некому, кроме двух подруг с прежней работы, но новости, которыми стоило поделиться, накапливались у них не чаще одного раза в месяц.

...*Точно, Наташка!* – Катя наспех вытерла руки и вбежав в комнату, схватила трубку. За время, прошедшее с их встречи, она перестала строить планы разоблачения «гнусной сущности» фирмы «Компромисс», ведь нельзя долго и абсолютно честно играть, как за себя (хорошего и умного), так и за противника (злого и коварного). Любой план требует новой информации; требует движения вперед, иначе в голове возникает столько возможных вариантов, рождающих все новые варианты, что, в конце концов, появляется усталость и апатия. А тогда уже не хочется вообще ничего.

– Катька! – воскликнула Наташа восторженно, – вот это место мы мне подогнала!..

– В смысле? – Катино сердце забилося чаще, чем обычно – она даже почувствовала это физически.

– Ой, только не по телефону!.. Короче, я должна тебе бутылку. Когда распивать будем?

– Не знаю. Хочешь, сейчас приезжай.

– Сейчас не могу. Мужа жду. Я ж должна подготовить его к тому, что пойду работать.

– Так тебя взяли?

– Приказа я еще не видела, но Вадим Степанович, который там самый главный, сказал, что я его устраиваю. Катька, ты не представляешь, какое он чудо! Ты сама-то его видела?

– Ни разу.

– Фантастический мужчина!

– А Лену ты мне нашла?

– Какую-то нашла, но не знаю, может, у них там несколько Лен. Знаешь, я думаю, если завтра Вадим Степанович окончательно скажет «да», то и с коллективом познакомит. Подходи завтра в пять к офису. Ой, Катька, сроду не знала, что такое бывает!.. Ладно, давай, а то мой, кажись, подъехал, – она положила трубку, а Катя опустилась на диван и задумалась. ...*Вот, и началось. А если «крутой» Вадим Степанович узнает, кто лезет в его дела, да пошлет пару молодчиков, и они тупо дадут мне по голове?..*

– Во-во, я ж тебе говорил, что лучше туда не соваться, – послышался за спиной тихий шепот. Катя резко обернулась, но не увидела ничего, кроме яркого ковра на стене.

...*Да и то, правда, откуда тут кому-то взяться? Правильно мать сказала – это мое осторожное «второе я»... тогда все баксы уйдут на лечение, – закончила она недосказанную фразу, – с другой стороны, если первый блин и будет комом, так это даже считается нормальным. А в итоге, все должно получиться, ведь существует масса щекотливых ситуаций, когда люди не знают, куда обратиться... Ее охватила немедленная жажда действий, но пока... пока пришлось вернуться к недомытым тарелкам.*

– Кто там звонил? – мать вошла на кухню.

– Насчет работы, – ответила Катя честно, – завтра поеду.

– Вот и хорошо... Приходи, а то фильм уже начинается.

– Да ну его!.. – Катя махнула рукой.

– А я пойду, посмотрю. Что-то устала сегодня.

Последним штрихом Катя вытерла стол, по привычке положила тряпку на холодную батарею и огляделась. Все дела закончены, и до самого завтрашнего вечера ее ожидала пустота, в которой предстояло барахтаться, периодически выныривая, чтоб определиться во времени.

*

Утро встретило Катю ослепительным солнцем, бесцеремонно глазевшим в щель между шторами, и голосами на улице, среди которых сразу узнавался голос матери, консультировавший кого-то насчет рецепта маринованных огурцов. Потянулась, но встать не хотелось, да и зачем?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.